

**АНДРЕЙ
БУРОВСКИЙ**
**НЕОБЪЯСНИМЫЕ
ЯВЛЕНИЯ**

**ЭТО БЫЛО
НА САМОМ ДЕЛЕ**

Андрей Михайлович Буровский

Необъяснимые явления.

Это было на самом деле

Серия «Очевидцы сверхъестественного»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18393372

Необъяснимые явления. Это было на самом деле / А.М. Буровский.:

Алгоритм; Москва; 2015

ISBN 978-5-906817-07-5

Аннотация

В новой книге известного писателя, кандидата исторических и доктора философских наук, Андрея Буровского собраны реальные истории о необычных, странных, необъяснимых явлениях. Примечательно, что все эти истории рассказывают ученые, историки, археологи.

Эти заметки автор так и разделил на четыре части: рассказы археолога, рассказы ученого, рассказы «экспедишника». Особняком стоят «рассказы горожанина» – истории, которые известны автору просто как жителю города Красноярска. Вас ждут встречи со снежным человеком, призраки, геопатогенные

зоны. Читая эти истории, так и хочется воскликнуть: «Этого не может быть!», и тем не менее, это было на самом деле.

Содержание

Введение	5
Рассказы ученого	11
«Дядя Ваня»	11
Бабушка и внучка	30
«Человек лесов»	56
Профессиональный фольклор... что за ним?	85
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Андрей Буровский

Необъяснимые явления.

Это было на самом деле

Это факт – но этого не может быть!
Ю. Герман

Введение

«Поймите нас правильно, – проникновенно сказал Фарфуркис, прижимая руки к полной груди. – Мы ведь не утверждаем, что телепатия не существует. Мы утверждаем лишь, что телепатия ненаучна и что мы в нее не верим».
Бр. Стругацкие

Считается, что ученые – невероятные рационалисты. Что ко всему они подходят сугубо «положительно», разумно, и уж конечно, никогда не отрицают фактов. Считается, что твердо установленные факты для ученых священны, и сами ученые очень любят распространять о самих себе такие слухи.

Это представление есть совершеннейшая неправда. Большинство ученых по своей натуре невероятные мистики, их мышление построено абсолютно иррационально. В самой основе современной науки лежит совершенно никем нико-

гда не доказанное, абсолютно произвольное положение о том, что мир сугубо материален.

Так сложилось исторически, с XVIII века, когда по Франции с воплями «Раздавите гадину!!!» бегала шайка так называемых энциклопедистов. Эти люди совершенно точно знали, что чего не спохватишься – того и нет; что ни Бога нет, ни дьявола и что в мире нет и не может быть ничего невидимого глазу. Действовали они, разумеется, вовсе не из рациональных, а из чисто идеологических и политических... а очень часто и просто хулиганских побуждений. Многие из «энциклопедистов» были редкостными неудачниками, и жгуче завидовали людям более умным, состоятельным и интересным. Многие их тексты отражают просто судорожную зависть и ненависть к тем, кто имеет успех у женщин. Другие обнаруживают четкий эдипов комплекс, то есть патологическую ненависть к отцу и вождение к матери. У третьих прослеживаются признаки весьма своеобразной половой ориентации.

Эти удивительные люди «совершенно точно знали», что «Бога нет», что служение обществу и королю – блажь и глупость, что супружеская верность – смешна и старомодна, а порядочность – свойство деревенщины. Реально существующий мир (в том числе и науку) они ненавидели и презирали, а все известное о мире «энциклопедисты» изо всех сил старались привести к своим убогим представлениям.

Степень вреда, причиненного всей мировой цивилизации

этой рычащей ненавистью, хлюпающей кровью бандой, организовавшей целую серию революций по всей Европе, еще не изучена и не оценена должным образом.

В своей «Энциклопедии» эти бравые ребята вполне серьезно писали о том, что на свете не существует никаких таких метеоритов: «С неба не падают камни, потому что на небе нет камней». Они же вполне серьезно писали, что не существует никакой жизни после смерти тела и что нетленность мощей придумали «попы», чтобы обманывать «народ».

Современная наука, увы, развивалась под огромным влиянием французских погромщиков. Ученый, как правило, невероятнейший мистик и даже мракобес: слишком многое он «знает» заранее. Знает без обсуждения и даже без получения каких-либо сведений. Он «точно знает», что не существует ни Господа Бога, ни бессмертной души у человека, ни нечистой силы, ни даже почему-то экстрасенсорных явлений. Казалось бы, получив сведения о чем-то необычном, например об «упавшем с неба камне» или о мальчике, который читает пальцами ног, ученый должен немедленно выехать туда, где находится или обитает это отклонение от известного и всесторонне изучить это явление. Но, как правило, ученый поступает совсем иначе.

Так же как товарищ Мирабо не желал знать о существовании метеоритов, ученый XX века делает вид, что привидение в здании Института археологии в Таллине придумано

экзальтированными дамочками, и нипочем не пойдет проверять, а существует ли само явление? Да и зачем, если они все знают заранее? Ведь «каждый умный» и «каждый порядочный» человек точно знает, что не существует никаких привидений!

Так же ученые относятся ко всему, что связано с невидимым миром, и очень ко многим вполне материальным явлениям, например к «снежному человеку» или к хождению с лозой. Еще недавно так же относились к геомагнитным аномалиям: полагалось считать, что их не существует, а всякий ученый просто боялся этим заниматься и даже обсуждать, ведь тогда он оказался бы «чудаком» и не вполне «своим» человеком.

Для большинства ученых до сих пор материализм примерно то же самое, что обрядовое для москалей XVI века, а марксизм – для коммунистической номенклатуры. Играть «не по правилам» рискованно в любой среде. Ученые попросту боятся нарушать нормы, принятые в их сообществе, заслужить репутацию опасных чудаков и смутьянов. А то заслужишь – и окажешься отлучен от общения с коллегами, приглашения в коллективы разработчиков и в редколлегии, на конгрессы и на конференции – то есть от всей профессиональной жизни.

Здесь пора сделать важную оговорку: слишком часто науку и нравы ученых «критикуют» те, для кого попросту оказался «зелен виноград», кто хотел бы, да не смог сделать на-

учную карьеру. Или злая полуграмотная деревенщина, блестяще описанная у Шукшина в его «Срезал».

Ну так вот, я уже четвертое поколение в своей семье, которое кормится науками и имеет ученые степени. В 32 года я стал кандидатом исторических наук, а в 39 – доктором философских. Я автор более двухсот печатных работ, в том числе 5 монографий, мои статьи постоянно выходят в таких престижных журналах, как «Российская археология» и «Общественные науки и современность».

Так что уж простите, но это не я «не дотягиваю» – скорее уж «не дотягивают» коллеги, с упорством неудачников сидящие на убогом «материализме» времен Вольтера, Гольбаха и прочей полусумасшедшей погани.

В экспедициях я работал с подросткового возраста, начал ездить в 13 лет в экспедицию мамы, Елены Вальтеровны Буровской. Волей-неволей маленький «экспедишник» становился свидетелем многого, о чем ученые не говорили... А если начинали говорить, то поджимали губы и подергивали плечами, словно мироздание лично обидело их, не желая соответствовать их диким представлениям, и заслуживает за это теперь только презрения.

Хорошо это или плохо, не знаю, но стал я не ботаником и не лесоводом, а нарушил семейную традицию. Много лет я был археологом и уже в этом качестве не только в экспедициях, но и работая с материалами раскопок, не раз сталкивался с удивительными явлениями... о которых коллеги категори-

чески отказывались говорить, а очень часто даже думать.

На протяжении своей многогрешной и бурной жизни я поддерживал отношения со множеством ученых разных направлений. Не раз и не два доводилось мне слышать нечто в духе: «Ну вот тебе, ладно, расскажу, но вообще это же ерунда какая-то получается... Ты если про это говорить будешь, на меня не ссылайся!». В частности, очень интересное сообщение о встрече со «снежным человеком» я получил от доктора геолого-минералогических наук, который в свое время сильно пострадал от «неверия» ученого мира в геопатогенные зоны.

Эти заметки я так и разделил на четыре части: рассказы археолога, рассказы ученого, рассказы «экспедишника». Особняком стоят «рассказы горожанина» – истории, которые известны мне просто как жителю города Красноярска. В них я свел самые яркие истории из тех, которым был свидетелем или слышал от надежных людей.

Рассказы ученого

...С неба не падают камни, потому что на небе нет камней.

Мирабо

«Дядя Ваня»

*Ах, дядя Ваня, хороший и пригожий!
Ах, дядя Ваня! На всех чертей похожий!*

Песня Аркаши Северного

Многие университеты (не только сибирские) имеют свои стационары для летней практики студентов. На каждом таком стационаре всегда живет какой-то персонал: сторожа, кастелянши, технички. Летом нанимают или привозят из университета еще и всех, кто будет кормить прорву студентов и преподавателей. Зимой стационар редко совсем забрасывают, но большую часть персонала увольняют, оставляя сторожа или, для большего веса, «технического директора» лагеря. Задача такого «технического директора» – сторожить домики, чтобы их не пожгли туристы (случаи бывали), и нехитрое барахло: матрасы, панцирные сетки, простыни, прочую мелочь.

На стационаре одного из крупных университетов Западной Сибири работал местный мужичок лет пятидесяти. Жил он не в деревне, а на самом стационаре, километрах в семи от деревни, в сторожке, данной ему университетом, и вел какое-то нехитрое хозяйство. Зимой он охотился, а университетское начальство иногда использовало стационар как базу отдыха. Тогда дядя Ваня выдавал приехавшим лыжи, учил кататься неумеющих и вообще развлекал, как мог, опекал. Организованные дядей Ваней жительницы деревни за небольшую плату кормили приехавших, радуя желудки и сердца отдыхающих.

Для всех, от ректора до студентов, он так и был – дядя Ваня, загорелый дочерна, очень жилистый и сильный, прекрасно знающий и сильно любящий лес. Всегда он интересовался занятиями, с увлечением смотрел в микроскопы, радостно всплескивал руками: «Ты посмотри!» – и вообще очень поддерживал дух исследования и науки.

Дядю Ваню все любили, всем было с ним весело и хорошо. Уж конечно, ни в ком он не мог вызвать ни малейшего подозрения решительно ни в чем плохом.

Мой близкий друг заканчивал университет в этом сибирском городе и, конечно же, очень хорошо знал дядю Ваню. Он со своим приятелем из Новосибирска несколько раз приезжал и зимой. Дядя Ваня увлеченно водил их по окрестным лесам, вспугивая куропаток и лосей там, где летом шумели окрестности многолюдного стационара. Назовем этих двух

так: Андрей и Валера. Во-первых, их и правда так зовут. Во-вторых, на оглашение этой истории они меня не уполномочивали, так пусть и остаются бесфамильными.

Сама же эта история началась с того, что дядя Ваня женился. Ничего необычного в этом, в общем-то, само по себе найти невозможно, потому что был дядя Ваня совсем не стар, а его женой стала вдова лесного объездчика, тоже далеко не девочка, мать пацана лет восьми.

Вообще-то на стационаре и в университете о личной жизни дяди Вани не только не знали ничего, но как-то о ней и не задумывались. Дядя Ваня был всегда сам по себе: очень смуглый, очень «лесной», очень энергичный, очень сам по себе и совершенно немислимый в кругу семьи. Для всех он был скорее частью стационара, чем самодостаточной личностью.

В начале этой истории все очень совпало: приехали парни зимой на стационар, а тут как раз дядя Ваня женится! Да, тут-то все и началось...

Выяснилось для начала: это далеко не первая из жен дяди Вани. Дядя Ваня постоянно женится на молодых женщинах, но только на разведенных или на вдовах и всегда на мамах мальчиков. Причем почему-то долго не живут его жены, трудно сказать почему...

А приемные дети? А их дядя Ваня выращивает, еще как! Вон, Колю знаете, бульдозериста? Это тоже дяди Вани пасынок. А Егора, пасечника? И он тоже... Тут парни букваль-

но подпрыгнули, потому что пасечнику Егору (который тоже сидел на свадьбе, ел за троих и исправно кричал «горько!») самому было хорошо за сорок. А сколько ж тогда дяде Ване?!

Парни стали выяснять у Егора, когда же дядя Ваня женился на их матери? Обстановка располагала, да к тому же парни бывали на пасеке, собирали насекомых и травы округ, расспрашивали Егора обо всем на свете, признавая его авторитет, так что разговор состоялся.

– Да во время войны... Сам я с тридцатого, а было мне тринадцать, вот и считайте. Напомню: события нашей истории разворачивались в 1977 году, так что информация вполне кружила головы.

Он совсем молодой был, дядя Ваня?

– Ну как «совсем»? Как сейчас, по нему непонятно. Он еще и до того женился...

– На ком?!

– Да вы не знаете... Мужик этот... Ну, сын дяди Ваниной жены, Кати, – обстоятельно объяснил Егор, – он помер позапрошлый год.

– А Катя?

– Та совсем давно померла, еще до войны.

– А сколько «мужику-то» было? Сыну жены?

– Да он старше меня лет на пятнадцать. Я пацан был, а у него свое хозяйство.

Известное дело: если хочешь узнать прошлое людей, надо искать свидетелей. В деревнях это обычно старушки – долго-

вечные, юркие, знавшие всех и всегда. Со старушками ребята были знакомы, обстановка свадьбы опять же располагала.

– Это вы про Ваську? Ой, не говорите! Упал Васька! Пьяный полез на сосну! Я ему сто раз говорила, чтоб не лазил! А он полез! Старый? Ну что вы такое говорите, молодые люди! Если с пятнадцатого года, так для вас сразу уже и старый! Еще сто лет мог бы прожить, если б на сосну не полез!

– А дядя Ваня – это его отец?

– Вовсе он не отец! Он на Катюше женился, царствие ей небесное, Васька маленький был, лет пять.

– А дяде Ване сколько было?

– Кто знает?!

Это «кто знает?!» парням предстояло услышать еще великое множество раз. Но и тут они изрядно обалдели, потому что если «мужик от первой жены» (от первой ли?) родился где-то году в 1915, а дядя Ваня женился на его маме в 1920, то получалось: дяде Ване сейчас, в 1977, никак не меньше семидесяти четырех – семидесяти пяти лет, а скорее и побольше. Бывает же...

На свадьбу собралось полно народу, мест в избах не хватало, и ребята ушли на стационар: отдохнуть, подумать вдвоем, перед тем как второй день непрерывно есть, пить, орать «горько!».

В этот вечер, лежа в спальнях мешках, ребята без перерыва курили и все прикидывали, как же им быть с дядей Ваней?! Как всегда бывает в таких случаях, словно пелена упа-

ла с глаз, стали заметны прочие удивительные вещи. Например, то, что дядю Ваню хорошо знали профессора, начинавшие работать еще до войны, лет сорок-пятьдесят назад. Даже «дядя Бода», патриарх и живая легенда биологического факультета, здоровался с дядей Ваней за руку и охотно вспоминал с ним рыбалку 1940 года. Мирно, уютно урчала печка, стреляли в ней поленья, сильно вызвездило за окном – к морозу. Привычный, родной, вполне уютный мир. А парни все не могли уснуть, все курили, все обсуждали удивительную загадку. И оба уже понимали: если отступятся от тайны дяди Вани – не будет им покоя и примирения с самими собой.

– Ну что, будем «колоть» дядю Ваню?

– Будем... Завтра опросим в деревне, кто что знает...

– Да, во время свадьбы это запросто...

– А потом в городе надо... Сколько ему лет, должно быть в личном деле, между прочим.

– Точно!

Еще два дня Андрей с Валерой «поработали» в деревне; легко выяснилось, что дядя Ваня и впрямь постоянно женится, уже знакомым и всегда одинаковым способом: на одинокой молодой женщине, разведенной, брошенной или вдове и всегда с мальчиком от первого брака. Всегда он устраивал пышную свадьбу, и никто не сомневался в статусе его жены. Но брака он никогда не регистрировал; да в общем, и необходимости не было, потому что сколько бы он ни женился, от него ни разу не родился ребенок.

Один эффект брака сразу совершенно очевиден: женщина расцветает, как роза. Но что характерно: никому никакой информации, как живет с ней дядя Ваня. При всей простоте сельских нравов и как бы ни заседали подружки, никто так и не знает, почему и в чем именно дядя Ваня такой молодец. Виден только внешний результат, а что за ним – закрыто для всех посторонних.

Второй итог, в общем-то, еще непонятнее. Дело в том, что каждую осень, в самом конце августа – сентябре дядя Ваня уходит в тайгу. Не за орехом, не за грибами, не охотиться... Уходит, и все. Берет с собой краюху хлеба и уходит – без оружия, без продовольствия, без спичек. Если в этот момент у него есть приемыш и этот приемыш не вырос, мальчика он берет с собой, вместе с ним уходит в тайгу на неделю, на две. Что они делают в лесу, что едят и пьют, где ночуют, куда ходят, не знает никто, потому что ни дядя Ваня, ни его приемный сын об этом не говорят. Никому.

– А что же вы ели, сынок?!

– Да там было...

– А что вы видели?!

– Да так...

Что характерно, парень никогда не рассказывает о походах с дядей Ваней ни пока маленький, ни когда вырастает взрослым. Ни друзьям, ни жене. Никому.

Отягощенные тайной, друзья почти и не были в лесу, а были – говорили все о дяде Ване.

В городе на повестке дня стояло общение с «дядей Бодой», разыскания в отделе кадров.

«Дядя Бода» тоже охотно вспоминал все охотничьи и рыбацкие похождения разных лет,

– А он сильно изменился с того времени?

– Да понимаете, ребята..., – «дядя Бода» смущенно разводил руками, и сразу становилось видно: он сам первый раз обратил на это внимание. – Да понимаете, он вроде и вообще не изменялся...

Можно ли найти фотографии того времени? Конечно! Приходите, ребята, посмотрим фотографии, повспомоинаем... Вспоминал «дядя Бода» долго, со вкусом, рассказал массу интересных деталей, поил чаем с цветочными, ягодными добавками – сам собирал, смешивал, испытывал. Только вот фотографий, как оказалось, там нет. В смысле, дяди Вани на них нет. Вообще все выехавшие охотно фотографировались на память, фотографий получалось много, вплоть до старинных, еще на стекле. Но вот дяди Вани почему-то на них никогда не было.

– Отлично помню: пленку на него извел! На характерного такого...

Пленка не находилась. На этой фотографии вроде бы был дядя Ваня, только он наклонился.

На другой фотографии – отвернулся. Вот вроде бы он, но по фотобумаге расплывается радужное пятнышко – как раз на месте лица дяди Вани. Надо же, чтобы изъян фотобумаги

– и как раз на этом месте! А где негатив? Нет негатива... Пес его знает, куда задевался.

В общем, ни одной фотографии дяди Вани не обнаружил обескураженный «дядя Бода» в своей огромной коллекции.

Ладно, найдем в отделе кадров... Но тут выяснилась еще более загадочная деталь: в отделе кадров помнили, что дядя Ваня работал в университете с 1920 года, это факт. Он считался ветераном труда, и ему регулярно посылали открытки с первым мая и седьмым ноября, приглашали на торжественные собрания... А дядя Ваня так же регулярно не приезжал на собрания.

Фотокарточка дяди Вани в личном деле отсутствовала. Вообще. Может быть, в те времена не полагалось фотографии в личное дело, их и не клеивали? Во-первых, полагалось и клеивали, хотя и не так обязательно. Во-вторых, кого приняли раньше и не клеили, тем доклеили потом... Почему же так и не было фотографии дяди Вани?!

Во-вторых, ни в личном деле, ни в одной ведомости не было ни одной расписки дяди Вани. Почему?!

В личном деле расписался начальник, так тогда можно было, а с тех пор личного дела не меняли, так и лежит.

В ведомости... Гм... Да так как-то повелось: зарплату дядя Ваня получает обычно не в срок, ему оставляют, а сами расписываются. Проблем никогда не бывало, претензии не появлялись, все в порядке...

С какого времени так повелось? Ох, не знаем, с очень дав-

него. Мы как начали работать, уже так было... В пожелтевшем личном деле дяди Вани стояли любопытные пометки: «личн. утв.». То есть запись вносилась не на основании документов; запись вносилась по «личным утверждениям», на основании устных заявлений.

Иван Иванович Иванов – по «личн. утв.». Родился в 1895 году, в деревне Большой Угор – по «личн. утв.». Не был. Не состоял. Не привлекался. Родители – беспартийные, маломощные, безлошадные, сочувствующие. Все – только по «личн. утв.».

В личном деле еще была справка: вырванный откуда-то листок бумаги, разлинованный вручную кем-то не особенно грамотным, неровными, как змеи, чертами. По этим продольным чертам косым, старомодным почерком, с дикими ошибками – справка, что в деревне Большой Угор церковь сгорела, сожженная империалистическими хищниками. Что поэтому сообщенные Ивановым сведения проверить нет никакой возможности, но и необходимости тоже, потому что пролетарское происхождение Иванова и так видно сразу и брать на работу его можно.

Еще же одна пикантность состояла в том, что церковь в Большом Угоре стояла себе, как стояла до сих пор. И что церковные книги Угорского прихода были сожжены вовсе не «империалистическими хищниками» в 1919, а коммунистами в 1934, когда по всей России-матушке закрывались церкви и сжигались «по просьбе трудящихся» церковные книги.

Значит, в 1920 году не было ни малейшей проблемы в том, чтобы проверить любые «личн. утв.», сделанные по поводу человека, родившегося в Большом Угоре. И уж конечно, даже церковных книг совершенно не было нужно, чтобы выяснить, живет ли в Большом Угоре такая семья Ивановых и какого она такого происхождения...

Получалось, что если называть вещи своими именами, то в 1920 году на стационар прибился и устроился работать абсолютно неизвестно кто. Иванов – а может, и не Иванов. Из Угора – а может быть, не из Угора. Родился в 1895 – а может быть, и не в 1895.

Человек... Или не человек? Женится – но дети не рождаются. И ни одной фотографии. Что же это обитает на стационаре, называется сторожем?! Опять плавали в воздухе, колыхались пласты сизого дыма. Друзья думали, думали и думали, вспоминали все, связанное с дядей Ваней.

Дядю Ваню никто никогда не кусал: ни собаки, ни кошки, ни комары.

Вообще. Всех людей, которые долго работают в лесу, комары кусают меньше новичков, это факт. Но так, чтобы комары совсем переставали кусать кого-то – так не бывает. Дядя Ваня оставался исключением; в свете всего остального – уж очень необычным исключением.

Уважительно посмеиваясь, парням рассказали, как дядя Ваня показал как-то на светлое пятнышко на склоне: марал! В бинокль еле удалось разглядеть, что зверь – крупный самец

и что идет как будто на дно распадка.

– Двенадцать отростков, – сказал тогда дядя Ваня, и через несколько часов, когда добыли марала, оказалось: он прав – отростков на рогах было двенадцать.

Дядя Ваня курил, как паровоз, но нюх у него был фантастический. Даже грибы он чуял за несколько метров.

Все это – в восемьдесят три года?! И добычливый какой... У Андрея – три хариуза, у Валеры – пять, а дядя Ваня посмеивается, снимает с крючка двадцать третьего. Но всегда по делу брал, никогда лишнего. Он как будто знал, сколько возьмет... Уходит в лес без еды: там поймаю. Это же надо какую уверенность в себе надо иметь, чтобы точно знать, сколько возьмешь в лесу, чего и когда?

Он умелый. Всегда все получается, даже и с первого раза. Машину никогда не водил, а надо было – сел, повел. Правда, не понравилось: на лошади, говорит, лучше.

Но повел!

В шахматы никогда не играл, только в шашки. Показали ему – сел за доску, скоро сам начал выигрывать.

Ходит по лесу бесшумно... Парни, и сами хорошие ходоки, могли только завидовать дяде Ване. Он возникал всегда стремительно, внезапно, всегда показывал что-то интересное и так же мгновенно исчезал: ветка не шелохнется, сушочек не захрустит.

Нет, но ведь и правда – комары никогда не кусают... Где-то в третьем часу ночи Андрей разогнал ладонью пласты та-

бачного туманища:

– А ты когда-нибудь видел у дяди Вани спину?

Вопрос был шизофренический, нет спору, потому что спину нельзя видеть только у одного существа – у лешего. Валерка рывком сел на кровати, напрягся...

– Нет! – придушенно сказал он. – Нет, не видел!

И никто не мог припомнить, чтобы он видел спину дяди Вани. Вроде ходил он голым, это видели: когда косил, когда рубил дрова. Но видели как-то спереди, сбоку... Может, видели и забыли?! Может быть...

Шла не очень легкая жизнь студентов выпускного курса, оба писали дипломы, оба с прицелом на кандидатскую. Получилось так, что только в июле, сдав сессию, вырвались они на стационар, уже «специалистами в законе». Зато вопрос за полгода созрел и парни знали, что будут делать и как.

– Дядя Ваня, гляди!

Дядя Ваня обернулся, и Валера тут же щелкнул «Зени-том». Валера знал, что он все сделал правильно; парень вообще отлично фотографировал, и просто не могло не получиться!

Вот только плохо, что после щелчка Валера на мгновение встретился глазами с дядей Ваней. Дядя Ваня сощурился... буквально на какую-то долю секунды, но как бы ни балагурил Валерка, как бы ни рассказывал, что хочет оставить памятку, он готов был поручиться: дядя Ваня отлично понимает, что затеяли против него и зачем.

Ходили, снимали еще: и стационар, и как дядя Ваня рубит дрова, и собаку Умку, и коня Серого.

А вечером того же дня Валера совершенно случайно засветил всю отщелканную пленку.

Ему казалось, он уже перекрутил пленку на барабан и пора открывать затвор. Оказалось: вовсе не перекрутил, и отснятая пленка погибла.

Назавтра встали попозже, направились туда, где дядя Ваня косил.

В бинокль он хорошо был виден, в том числе и со спины, только нечетко: от нагретого луга поднимались волны горячего воздуха, дядя Ваня оказывался размытым.

Парни быстрым шагом вышли к лугу. Оба спортивные, сильные, охотники и экспедишники, ходили по местности очень быстро, бесшумно. Вроде бы кого тут было скрадывать? Старого мужика, который мирно косит свой же собственный луг? Но когда парни вышли к дяде Ване, на нем уже была рубашка. Ладно...

От покоса две тропинки вели к стационару.

– Давай ты на той, я на этой. Он часто идет, а рубашку носит, накинув на плечо, ты же видел.

– Да, тогда он мимо не пройдет!

Часов в десять вечера, искусанный комарами, дико уставший от неудобной позы Андрей чуть не хлопнулся в обморок: кто-то вдруг положил ему на плечо руку:

– Дай закурить!

Дядя Ваня подошел неслышно, да еще с неожиданной стороны, потому что двигался не тропинкой, а прямо через лес вышел к Андрею. Неужели узнал, что Андрей караулит его?!

Дядя Ваня уютно посмеивался, как всегда рассказывал что-то про лес: кажется, про муравьев, которым не понравилось, что к ним в муравейник все время падают гусеницы, и стали штурмовать все дерево.

Андрей протянул ему пачку «Астры» и мгновенно остался один. Только сейчас он сообразил, что дядя Ваня даже не спросил его: а что это Андрей, скорчившись, сидит и глаз не сводит с тропинки? Выходит, знал...

Не в лучшем настроении спустился Андрей к стационару, а навстречу шел уже Валера.

– Валерка, он, кажется, понял... Он ко мне сейчас подошел прямо из леса, просил закурить...

– К тебе?! Он же ко мне подходил!

– К тебе?!

– Ну да. Ко мне подошел прямо вплотную и сразу же: «Дай закурить!».

– Валера... У меня он тоже был.

С полминуты парни тупо смотрели друг на друга и дружно перевели взгляды на дядю Ваню. Дядя Ваня вполне определенно был один. Дядя Ваня занимался самым прозаическим делом – рубил дрова и был в рубашке, как подобает быть сибирским вечером разумному немолодому человеку. На вид было ему от силы лет сорок пять.

Даже отцепившись от дяди Вани, бросить загадку парни были органически не в состоянии. Бродили по стационару, курили, вели долгие, малопонятные для остальных разговоры. На них стали посматривать с уважением, как на людей очень ученых, вперивших жадные взоры в горние выси науки.

Вскоре Андрей пошел в деревню за продуктами. Набил полный рюкзак и пошел на стационар, лесной накатанной дорогой. Шел и шел, что такое семь километров для молодого здорового парня, даже и под рюкзаком? Смеркалось, на сиреновом небе показались первые звездочки, когда сзади, за поворотом дороги, ясно раздалось: «плюх-шлеп!». То ли шаги, то ли удар по дороге какой-то гигантской ладошкой. Что такое?! Опять такой же удар, только ближе, и совершенно ничего не видно. В третий раз вроде даже было видно где. Идет кто-то огромный и невидимый?!

К чести Андрея, он ни на секунду не усомнился, что приключение – это ему привет от дяди Вани. Вопрос только, какое приключение... Что тут можно было делать?! Андрей встал у края дороги, постоял, выкурил подряд две сигареты. Никаких звуков позади, только сгущается тьма, накапливается под деревьями; ползут, удлиняются тени, заливают уже и дорогу.

Андрей тронулся дальше, и тут же за спиной кто-то шагнул. Или прыгнул? Или хлопнул по дороге? И с каждым разом все ближе, заставляя то сжиматься, то падать куда-то

вниз сердце. Через несколько минут должен быть последний поворот, а уже почти стемнело, уже совсем близко глухие прыжки-удары по дороге, так что резонирует, отдает по земле, улавливается ступнями удар-звук.

Что оставалось? Андрей стиснул зубы, шел как мог ровнее, посередине дороги. Звуки шагов-прыжков все ближе, все сильнее отдают по земле, и к этим звукам добавляется еще и какое-то неровное дыхание...

Последний прыжок упал прямо за спиной Андрея, и его плеча коснулось жаркое дыхание вместе с каким-то очень знакомым, никак не связанным с опасностью звуком. Что-то вроде пру-у-упфу...

Позади, почти упираясь в спину Андрея, мотал головой Серый – конь дяди Вани. Спутанный конь пасся, заметил знакомого, подошел... Стараясь победить мерзкую дрожь в коленях, Андрей потрепал коня по шее, почесал на радостях звездочку на лбу, оторвал Серому кусок от буханки. Только почему Серого не было видно?! Да и звук был какой-то очень уж сильный, «ненормально» звонкий.

В полной темноте подходил Андрей к стационару, отходя от пережитого кошмара. Что это?! В загоне возле дома дяди Вани перетаптывался Серый. Увидел Андрея, поднял голову и зычно фыркнул в его сторону. Возвращаться проверять, что он оставил за последним поворотом, Андрей не стал.

В эту ночь друзья долго, почти до утра проговорили. И о дяде Ване, и о том, какие еще «приветы» от него можно

ожидать в ближайшем будущем. И о том, кто может помочь раскрыть удивительную тайну, но когда сами они будут по-дальше отсюда.

Назавтра парни уехали из стационара – не навсегда, но они знали, что надолго. Уехали по местам, где им предстояло трудиться в ближайшие годы... когда еще они побудут тут, на стационаре?

Дядя Ваня провожал, прощались за руку. Андрей честно признавался, что был у него сильный соблазн взглянуть по-глубже в терновые глаза дяди Вани и спросить: никому не скажу, но ты сознайся, дядя Ваня... Ты ведь леший? Но Андрей не поддался соблазну.

Было все это в июле, а в конце сентября этого же, 1978 года, дядя Ваня пропал. Нет, не уволился, не перевелся, не вышел на пенсию, не переехал. А именно пропал, растворился. В один прекрасный день он посадил на телегу жену и приемного сына, чмокнул Серому... Соседи как-то и не успели понять, что происходит. Может, Ивановы кататься поехали? Но они так ехали и ехали, Серый все потряхивал ушами и шагал, все скрипели тележные оси, все крутились колеса, все двигалась телега по таежным дорогам, накрываясь то вдоль, то поперек, проезжая под желтой листвой придорожных осин и берез. И все катились навстречу желто-красные березовые перелески над черными, убранными полями, темные массивы ельников под пронзительно синим, удивительным небом сибирского сентября.

Я знаю, откуда уехали эти люди, но не имею ни малейшего представления, куда они в конце концов приехали. И конечно же, я не знаю, кто таков был дядя Ваня: Иван Иванович Иванов, родившийся в Большом Удоле в 1895 году, или совсем другое существо.

Если догадка Андрея и Валеры верна, сейчас дядя Ваня, наверное, растит уже нового приемыша. Интересно, а какой год рождения записан на этот раз по «личн. утв.»?

Бабушка и внучка

Пусть бабушка внучкину высосет кровь.
Граф А. К. Толстой

...Это была очень милая, симпатичная и в то же время очень «обыкновенная» девушка. Хорошенькое, очень заурядное лицо, приятная повадка, но все симптомы бытовой невоспитанности. Вторую жену Николая Гумилева кто-то назвал «умственно некрупной». Тамара тоже была «умственно некрупной», чудовищно необразованной, хотя жадной до знаний, доброй, и уж конечно, далеко не глупой.

Девушка с хорошим вкусом, она одновременно писала неплохие стихи и очень непринужденно помогала себе при еде пальцами левой руки вместо кусочка хлеба; тонко чувствовала красоту закатного неба или старинной вазы и лезла ложкой в общее блюдо... Словом, девушка не без способностей, но чисто природных, биологических, потому что никто толком ее воспитанием отродясь и не думал заниматься. Да и некому, потому что родители Тамары были, по ее определению, «полеводы», жившие в самой глухомани одной из областей Сибири; их самих еще надо было воспитывать.

Девушек с сочетаниями таких качеств встречалось много среди моих сверстниц – выходцев из сибирской деревни первого поколения. Судьба большинства складывалась вроде бы

и неплохо, но что там произошло с ними после 1991 года... не хочется даже и думать.

Сама по себе Тамара была мне совершенно неинтересна. Можете обвинять в снобизме, но вот неинтересна, и все. Интересна мне была ее бабушка... Потому что вот кто-кто, а Ульяна Тимофеевна по всем рассказам была женщиной весьма необычной.

Тамара помнила историю из своего совсем раннего детства. Тамара сидела на скамеечке вместе с бабушкой, смотрела, как едет по деревне свадебный кортеж. Едет и едет, проезжает мимо скамеечки, на которой Ульяна Тимофеевна с суровым видом сидит и лузгает семечки. И тут у телеги, на которой едут новобрачные, отваливается колесо...

Тамару особенно удивили лица взрослых на этой свадьбе: одновременно глупые, растерянные и испуганные... Потом вся свадьба, в том числе и жених и невеста, сошли с телег, пошли к Ульяне Тимофеевне и стали кланяться ей до земли, просили не гневаться, погулять на их свадьбе...

– Не пойду! – зарычала старуха. – Нужна я вам там, старая карга!

– Нужна, еще как нужна, бабушка! – масляными голосами увещевала деревня, увлекая за собой Ульяну Тимофеевну.

– Не звали – и теперь не зовите!

– По дурусти не звали, Ульяна Тимофеевна, по дурусти!

Прости нас, дураков, не сердчай, пошли с нами!

Кто-то ловко подхватил маленькую Тамару, понес на пле-

че, стал показывать, кто, где и что привез... Уже потом принесли новое колесо, поставили на место треснувшего, встали чеку, поехали дальше.

Запомнилось, как отец постоянно чинил забор. Вечно в заборе оказывалась сломанная доска, и отец, вздыхая, безропотно заменял эту доску.

Лет до тринадцати Тамаре и в голову не приходило, почему отец вечно вставляет новые доски и тяжело вздыхает при этом. Когда девочке было тринадцать, взгляд бабушки задержался на некоторых выпуклостях ее фигуры... Совсем недавно выпуклостей не было. Бабушка заулыбалась и вскоре повела Тамару в лес показывать разные травы. Это было вовсе не так уж интересно, а порой невыносимо скучно... Но бабушка сумела поставить дело так, что по-другому никак нельзя, что изучать травы надо и что именно через травы шел путь к другому, поважнее.

Этому «другому» бабушка тоже учила, причем многое в «другом» очень тесно сочеталось с травами. Помню, у меня как-то сильно разболелась голова, и Тамара в два счета усадила меня к себе спиной, лицом к окну, стала прикасаться пальцами к вискам, нажимать, высунув язык от напряжения. Вот чего в ее поведении не было, так это легкости фокусника: «Вуаля! Получите кролика из шляпы!». Скорее вела себя Тамара как прилежная ученица, старательно подражавшая учителю. Но ведь помогло с головой!

– А еще надо бы тебе... – Тамара назвала травы, которые

надо попить (и названия которых, разумеется, тут же вылетели у меня из головы).

– А от сглаза можешь? – довольно глупо спросил я. Тамара покраснела и кивнула. Покраснела, привыкнув считать сглаз и прочую мистику чем-то совершенно неприличным. Как бы и нехорошо поминать сглаз в порядочном обществе честных девиц. Матерщину в своем присутствии, кстати, Тамара легко допускала: привыкла к ней с раннего детства и от нее вовсе не краснела. Пустяки, дело житейское...

Кроме знания активных точек на человеческом теле и умения на них нажимать, было и еще «другое», к которому нужно было готовиться, готовиться и готовиться...

На всю жизнь Тамара запомнила, как открылась ей тайна сломанных досок в заборе, свистящий голос бабушки в полутьме баньки, ее почти что страшное лицо.

– Сделаешь доброе дело – тут же надо и злое! Построишь – тут же и разрушь! Хоть ветку обломи, хоть доску в заборе разрушь! Иначе саму тебя, как эту доску, переломит...

– А что надо сломать... Бабушка, неужели надо убивать?!

– Вовсе не надо. Агафья – та пауков в баньке душила, но вообще-то не обязательно. А сломать, испортить что-нибудь да надо.

– Как?

– Как добро творишь, так и ломай.

О чем идет речь, Тамара поняла скоро, когда к бабке принесли заходящегося криком малыша.

– Давно орет?

– Третий день...

– Ну, давайте.

Бабка унесла вопящий, изгибающийся сверток, что-то приговаривала, разворачивала, стала водить руками вдоль покрасневшего прелого тельца.

– Что они его, не моют никогда?! – ворчала бабка, и тут же Тамаре: – Видишь что? Грязный он, вонючий, само собой будет орать. А тут еще и сглаз...

Что бормотала бабка, Тамара не уловила, но похоже, что не в этом было дело, не в бормотании. Даже не в легком-легком массаже, касании тельца младенца было главное. Бабка напряглась, словно от нее через пальцы что-то переходило к младенцу, Тамара почувствовала: главное именно в этом.

Малыш внезапно замолчал, завертел головой, и взгляд у него изменился. То был взгляд напуганной зверушки, тут сделался осмысленный, изучающий. Громко сопящий мальчишка обнаружил возле себя чужих людей, скривил губы, собираясь зареветь... но почему-то не заревел: то ли влияние бабки, то ли попросту устал орать.

Бабка сгребла малыша, даже не стала толком заворачивать, вынесла переминавшейся с ноги на ногу матери, ждавшей с перекошенным лицом.

Едва кивнув рассыпавшейся в благодарности женщине, выскочила наружу. Явственно послышался звук: лопнула доска в заборе. Ульяна Тимофеевна вернулась без капель по-

та на лбу, румяная, с довольнехонькой улыбкой; она еще долго поила гостью чаем с вареньем, пеняла на плохо просушенные, нестираные пеленки, пугала ее болезнями, с которыми и ей, Ульяне Тимофеевне, не справиться.

Тамаре на всю жизнь запомнилось, как из бабушки в младенца как бы перетекало нечто, и высокий звук лопнувшей доски.

Запомнилось еще, как Ульяну Тимофеевну позвали к женщине, доходившей от камня в почке. Стоял сильный мороз, шли на другой конец деревни. Платками закутались так, что, по словам Тамары, «еле глаза было видно».

– Ох, Ульяна Тимофеевна, помогай... – метнулись к бабке с крыльца.

– Не мельтешите. Татьяна где?

– Фельдшер был, ничего не сказал...

– Фельдшер! – фыркнула бабка надменно.

Возле раскрытой кровати на табуретке сидит, закусив губу, женщина – крупные капли пота на лице. Сидит – и сразу видно: боится переменить позу, боится шелохнуться, так ей больно. Потому и сидит не на кровати – на жестком.

При виде Тамары губы, впрочем, тронула улыбка.

– Учишь, Тимофеевна? – чуть слышно.

– Учу, – коротко ответила бабка, как полено о полено стукнуло.

Зыркнула глазами, выгоняя прочь ненужных, и опять Тамара видела, как из бабушки как будто выходило что-то, пе-

ретекало в больную.

– Вот сейчас, сейчас... Гляди, Танюша, веду я его, веду... – бабка говорила легко, нараспев, почти пела. – Вот сейчас должно и полегчать...

Татьяна кивнула, пока еще закусив губу, еще тяжело, с на-тугой втягивая воздух.

– Во-оот... Во-оот... Гляди, теперь он уже не опасный, камешек этот, – все пела, причитала бабка, и Тамара видела: женщина успокаивается. Ей уже не так больно и страшно: не так напряжено лицо, не так руки стиснули платье, глаза обрели выражение.

Тамара не могла бы сказать, сколько времени прошло, пока женщина выпрямилась, улыбнулась, сказала: «Ох...». Вы-прямилась еле заметно, улыбнулась чуть-чуть и сказала еле слышно. Но ведь сказала же?!

Еще работала Ульяна Тимофеевна, и Татьяна легла на-конец, тихо, протяжно вздохнула – отпустила боль. Ульяне Тимофеевне кланялись, что-то совали, что-то сулили, полу-согнувшись, бегали вокруг. Старуха решительно шла, заку-сив нижнюю губу, с окаменевшим лицом; щеки прочертили крупные капли из-под волос.

– Потом! – властно отстранила она свертки, чуть не бегом выскочила на стылую, уже под ранними звездами улицу. По улице старуха шла чуть ли не бегом, с каким-то перекошен-ным лицом.

– Бабушка... Тебе нехорошо?

– Молчи, не суйся под руку.

Тамара чуть не задохнулась на морозе, пока Ульяна Тимофеевна не оказалась перед собственным домом. И внучка не поверила глазам своим: легко, сами собой поднимались ворота; сошли с петель, зависли на мгновение, с грохотом и треском рухнули, поднимая столбы снежной пыли.

– У-уфф... – Ульяна Тимофеевна перевела дух, почти как Татьяна, когда отпустила боль. Поймала взгляд внучки, усмехнулась:

– Ничего, Антон обратно насадит...

Тамара понимала: завтра отец, печально вздыхая, опять насадит ворота на место. Ей было жалко отца и смешно.

А бабушка уже стала обычной, почти как всегда. Разве что была очень усталой, долго и со вкусом пила чай, была неразговорчива весь вечер, но исчезло и не возвращалось жуткое выражение, подсмотренное у нее по дороге от Татьяны.

Тамара понимала: бабушка что-то несла в себе. Что-то случилось там, у Татьяны, пока бабушка ее лечила. Потом это «что-то» бабушка унесла, не дала этому «чему-то» излиться. Она бросила «что-то» на ворота, не дав стать опасным для живых.

Другие знахарки, бабки-заговорницы, даже старухи, о которых говорили лишнее, даже те, кто держал дома иконы, часто они боялись партийных активистов, идейных старичков, милиционеров, пионеров, стукачей, прочих мрачных сил «нового общества».

Бабка не боялась никого, а участковый сам боялся бабки. Все знали, что бабка умеет «набрасывать обручи». Про «обручи» Ульяна Тимофеевна объясняла так, что у человека душа – это не одно облачко, а несколько, и есть «уровни» самые главные.

– Византийский крест видела? Как человек, который стоит, раскинув руки, верно? Вот одно облако так и идет, сверху вниз, а другое – наперекрест; там, где человек раскинул бы руки, или чуть ниже.

Еще у византийского креста есть перекладинка, где у человека голова. Тут тоже облако важное, вот тут, – Ульяна Тимофеевна помахивала рукой где-то на уровне ушей. – И третья перекладина есть, вот тут, косая, – Ульяна Тимофеевна проводила рукой наискось от левого бедра к правому. – Так вот и у человека, душа тут живет; если уметь видеть, вроде облачков тут держатся все время.

Обруч накинуть – это не дать душе спокойно ходить, на этом уровне клубиться. Человеку надо, чтобы на всех уровнях жила душа, без помех, и куда обруч накинешь – там сразу становится плохо. Если я обруч накину на эту душу, наверху, человек ума лишится и помрет.

– Если вот сюда, – бабка проводила по груди, – то сердцем станет болеть.

– Сразу помрет?!

– Можно, конечно, и не сразу... Обручей до трех кидают, чтобы не сразу. Вот Егору (это участковый) я один обруч на-

кинула, он сразу прибежал: «Тимофеевна, за что?! Я, мол, тебе... Да все, что хочешь...».

Тамара знала: бабушка не хвастает. Участковый действительно при виде Ульяны Тимофеевны всегда первым снимал фуражку, деревянно улыбался; сойдя с тротуара, пропускал бабку: «Здравия желаю...». Бабка степенно кивала.

– Я ему: ты не на меня думай. Ты на себя думай. Будешь невинных мордовать, не то еще будет.

...Тогда у Дементьевых пропал новый лодочный мотор, и Дементьев подал заявление: якобы шастал возле его сарая соседский Колька, ненамного старше Тамары.

Участковый посадил Кольку в КПЗ и взял парня в такой оборот, что, наверное, скоро сознался бы Колька. За парнем водились какие-то мелкие глупости: отнимал деньги у младших, вытаскивал рыбу из вершей. Заступить за него было некому: отец Кольки пожелал остаться неизвестным. Мать мыла в школе полы – техничка. Скорее всего, замордовал бы, заставил бы сознаться Кольку участковый Егор Васильевич, не упали мать Кольки в ноги бабки, Ульяны Тимофеевны. Клялась, что близко не подходил Колька к лодочному мотору, а сбыл мотор сам старший Дементьев, потому что хотел откупиться от Любки, а Любке надо травить плод от Дементьева, и теперь Дементьев что хочешь сделает, чтобы до жены бы это дело не дошло.

«Любка» – почти тридцатилетняя Любовь Аркадьевна – и правда уезжала недавно – вроде проведать сестру.

Ульяна Тимофеевна слушала Колькину маму, пила с блюдечка чай, усмехалась и высказывалась в духе, что, если и правда решил Дементьев погубить невиновного, с него же и взыщется и сам же он во всем сознается.

– Любка и та скорей сознается, чем этот!

Бабка скосила глаз на гостью, усмехнулась... И женщина вдруг выпрямилась на стуле, окаменела лицом.

– Ну то-то... Дай мне времени, Елена. За два дни ничего не случится, а мне как раз два дни нужно.

Через два «дни» было полнолуние. В эту-то августовскую ночь Тамара и услышала про «обручи», но до этого бабка долго весь вечер раскладывала карты, что-то бормотала, что-то прикидывала, соединяла... Потом она ушла в баньку в полночь и, что делала там, не рассказала.

Наутро примчался участковый...

– Ты ему на сердце, бабушка?..

– Нет, зачем же? Я ему сюда, на... (на бедра, скажу я читателю, но бабка употребила совсем другое выражение. – А. Б.). Для многих мужиков тут самое страшное. Как накинешь, и «стоячка» у него кончится, – объясняла бабка внучке с простотой и доходчивостью первобытного человека.

У нее все было просто, все называлось своими именами. В деревне слов научных, изящных и приемлемых в интеллигентских салонах никто как-то и не искал. Если речь шла о «стоячке», бабушка так и объясняла тринадцатилетней внучке, понятия не имея о «научном» слове «эрекция»,

и нисколько в слове этом не нуждаясь. И объясняла:

– Так это только «первый обруч». Если набросить второй, куда хуже будет. А после третьего уже и сама ничего не поправишь. Если наверх бросать обручи, на сердце, третий – это верный конец; часто помирают и после второго.

Тут Тамаре совсем стало жутко, хотя и самовар, и чай вприкуску (другого бабушка не признавала), и сама Ульяна Тимофеевна в цветастом халате были как бы воплощениями домашнего уюта, стабильности и положительности.

Ульяна Тимофеевна усмехнулась, перевела разговор на травки, на пользу людям от этих знаний. Тамара понимала, что от «обручей» тоже может быть польза – отпустил же участковый, Егор Савельев, ни в чем не повинного Кольку... Если бы не бабка, мог бы и замордовать, а отпустил. И с тех пор ведет себя участковый тихо, бабки боится. Если б не боялся, мог бы и снова взяться за кого-то беспомощного, молодого, без влиятельной сильной родни. Тамара представляла, что за ней захлопывается дверь камеры, представляла, как подходит к ней участковый с куском резинового шланга и какое у него при этом лицо... Ей становилось так жутко, что сердце застревало, начинало мелко колотиться в горле. Нет, бабка все же права...

Дементьев тоже прибежал, но с ним Ульяна Тимофеевна беседовать не захотела, и он тут же пошел к участковому. Что потом было у Дементьевых, Тамара не знала, но, что Дементьев подарил Кольке велосипед и ходил очень пришиб-

ленно, робко, это видели все.

Выходило, что умение накидывать «обручи» – очень даже полезное умение, но все-таки от этих мыслей становилось страшно и неприятно.

Впрочем, сама Тамара не смогла бы ни «набросить обруч», ни переместить камень в почке, ни даже снять ворота с петель или поломать доску в заборе.

Про все эти вещи Тамара слушала, знала о них, наблюдала, как делает бабка, но, как именно надо что делать, не имела ни малейшего представления. Как надо заговорить младенца, вывести камень из почки, сломать на расстоянии доску, «набросить обруч», она не знала. Выходило, что обычными способами обучиться именно этому нельзя. Бабка знала совершенно иные способы обучения, совсем не похожие на усвоение знаний, на приобретение умений и навыков. Тут было что-то совсем другое, но бабка вовсе не спешила с этим знанием.

В обучении внучки существовала железная последовательность, ее никак нельзя было нарушить: надо было сперва обучить внучку работе с травами. Посмотреть, как у нее получается, а потом обучить работе с активными точками, массажу, знанию человеческого тела. Опять же посмотреть, что получается у девицы, каковы ее способности, а потом уже можно было и того... можно было посвящать в самое тайное знание.

Посвящать было совсем не просто, потому «знание», как

ни крути, оказывалось теснейшим образом связано с нештучными силами. Эти силы можно считать своеобразными силами природы; называют их и силами добра и зла... Кому как нравится! Но вот вам «информация к размышлению»: необходимость, сделав что-то хорошее, немедленно сделать и зло. Иначе саму «знающую» (не поворачивается язык произнести классическое «ведьма») буквально «распирает» изнутри; она мучается и, если не причинит вреда чему-то, может серьезно заболеть. Ни светлые силы, ни чисто природные явления волей ко злу не обладают.

«Знающие», если называть вещи своими именами, брали силу у зла и ухитрялись обращать ее в добро. Рискуя собой, они отделялись ломаными досками и сброшенными с петель воротами. Как позволяло это само зло или какая сила ограничивала зло – выше моего разума.

Во всяком случае, бабка хоть и считала себя христианкой, в церковь не ходила: в церкви ей становилось плохо. Занимаясь «другим», снимала крест. Так что кто-кто, а светлые силы ей совершенно точно не помогали.

Все знали, что посвящать нового человека опасно, причем опасно в первую очередь для того, кого посвящают. Бог... (или вовсе не Бог?) знает, с чем могла столкнуться посвященная сразу после посвящения. Бывало, и ума лишались те, кто получал силу, без возможности ей распорядиться.

В любом случае посвященный уже не мог жить так, словно у него не было этой силы. «Знание» требовало проявлять

себя, его нельзя было держать про запас, как муку в домашнем ларе. «Знающая» должна была творить добро и зло, сама выбирая, что предпочесть, в каком соотношении.

«Знание» оборачивалось образом жизни, ставило женщину в положение исключительное и несколько страшное. В положении колдуньи, которая уже не будет обычной деревенской женщиной. От нее отшатнутся и подружки, и большинство парней. Опасливое полууважение, полустрах станут обычнейшими чувствами односельчан.

К ней пойдут с просьбами, понесут подарки, будут уговаривать и льстить. А ведь это соблазн, даже немалый – взять подношение, не очень думая, нравственно ли то, о чем просят? Правильно ли будет исполнять? Закроем глаза, хорошо ли «набросить обруч»? Виноват ли этот человек, ушедший к подружке заказчицы? Ведь подарок – он такой красивенький...

Еще соблазн – помочь таким милым, таким хорошим людям, знакомым с детства. Ну что же, что вот сегодня, именно в этой истории чуть-чуть неправым... Все иногда бывают неправыми, а люди такие милые, такие хорошие, такие свои... Ну как же им не порадовать?!

Есть и опасность начать судить других людей, присвоив себе право карать и миловать, встав над всем остальным человечеством, как языческое божество. Превратиться в столп гордыни, в идол собственного самомнения.

Все эти пути вели к одному – к тому, чтобы стать пособ-

ницей сил зла, уже лишённой своей воли и права принимать решения. К тому, чтобы погибнуть, и не только погибнуть физически.

Нужно было, чтобы девица готова была принять такую судьбу – судьбу «знающей» – и все опасности такой судьбы. Не согнуться, не сломаться под ношей. Не превратиться ни в злобную мерзавку, ни в стяжательницу, ни в эдакого судию своих ближних, владеющего истиной в последней инстанции.

Посвящать надо было непременно совсем молодую девицу и непременно девственную. Ульяна Тимофеевна очень популярно объяснила внучке, что сделает с ней, если внучка затеет «гулять» с парнями. Если будет «обжиматься», а «совсем большого худа» ещё не сделают, «целки не сломают», она только отходит внучку вожжами так, что внучка будет отлеживаться несколько дней. А если сотворят «большое худо», добрая бабушка отрубит внученьке голову. Вот этим топором – объясняла бабушка для наглядности.

– Ты верила, что отрубит?

– Верила...

Но, думаю... уверен! Бабушка свирепствовала зря. Потому что Тамара и в двадцать с небольшим оставалась девственницей. Не потому, что никому не нравилась. Девочка она была серьёзная, хотела сначала влюбиться; ее кратковременные увлечения парнями были ужасно наивными, до ощущения чего-то трогательного, полудетского. Была, конечно,

и у Тамары своя чувственность, но слабенькая, девчоночья; уж конечно, не было у нее ни малейшей потребности в «ломании целки» с первым встречным.

Другой вопрос – Ульяна Тимофеевна, понятное дело, не могла рисковать. Ей нужна была внучка взрослая, не подросток, не совсем юная девушка, но и сохранившая себя, не растратившая первых сил.

Ульяна Тимофеевна, оберегая Тамару, ждала, когда внучка еще подрастет, чтобы передать ей свою силу. Но вот этого она и не успела.

Родители Тамары, конечно же, прекрасно понимали: Ульяна Тимофеевна как может подготавливает смену. Уж конечно, понимали, кого готовят на роль «смены». Почему ни мать, ни отец не сказали ни слова, не воспрепятствовали ничем? Может быть, для их простых душ несколько месяцев, тем более год или два, были таким большим промежутком времени, что и думать про это не стоило? Или знали, что передавать силу «знающая» должна перед концом, а жилистая здоровая Ульяна Тимофеевна казалась им чуть ли не вечной? Или попросту не думали пока вообще ни о чем, ждали, как само повернется? Так сказать, гром не грянул – мужик и не перекрестился? Во всяком случае, родители встали между бабушкой и внучкой, только когда бабушка слегла и начала быстро умирать.

Все произошло просто стремительно: еще в марте Ульяна Тимофеевна прошла двенадцать километров по зимнику

проведать знакомую, а в апреле уже не выходила из дому. В мае в огромном сундуке у бабушки нашлась, среди всего прочего, и шкура черной козы. К июню, к выпускным экзаменам Тамары, бабушка легла на эту шкуру и стала ждать своего конца.

Честно говоря, я никогда не слышал, чтобы взрослая девушка испугалась бы умиравшей бабушки: запавших глаз, заострившегося носа, натянувшейся на скулах блестящей кожи. Слышал, наоборот, о жалости, сочувствии, о приступе родственных чувств. Тамара же накануне вечной разлуки изменившейся бабушки стала бояться.

– У нее глаза стали другие... круглые, злые, без век... Как у волка из сказки... Страшные стали глаза. Это она была и в то же время не она. Подойду к двери – руки двигаются, как будто не бабушка ими двигает; челюсти как-то жуют... необычно, не по ее. Нехорошо как-то. Засмеется – мне страшно. А в доме еще эхо; как будто в подполье, на чердаке тоже шорохи, тоже вроде бы кто-то бормочет...

– Может, это она от мучений?

– Может быть...

Долго отходила Ульяна Тимофеевна, очень трудно. Боли такие, что до крика. Всем было ясно, что уж если до крика – у властной, всегда себя державшей Ульяны Тимофеевны – значит, правда ужасные боли. Бабушка умирала, бабушка уже выглядела, как труп, но все не могла умереть. Было у нее еще одно важное дело... гораздо важнее, чем лечь на шкуру

черной козы. Бабушка просила чаю, ей приносили.

– Нет, мне с серебряной ложкой.

И держала, не отдавала ложку.

– Внученька... Тома... На ложку.

Отослать куда-то Тому не могли – шли выпускные экзамены в школе. Но родители следили, ни на минуту не оставляли одну, тем более одну вместе с бабкой. Если не отец следит, то мать. Тогда мать оттащила Тамару, надавала ей тумачков, прогнала прочь.

Бабушка просила достать ей что-то из своего сундука. Отец смотрел и, смотря по просьбе, давал или нет. Ничего из металла не дал.

– Хоть гвоздя дайте, – плакала бабка. Она уже не могла встать, взять самой. Стоило приподнять одеяло – пробивалось тяжелое, за много уже дней накопившееся зловоние.

Гвоздя не давали. Как-то дали чай в стакане и в латунном подстаканнике. Бабка долго бормотала что-то, опять просила Тамару принять. На этот раз оттаскивал отец; с бешеными глазами стиснул руку так, что выступили синяки, свистящим шепотом пообещал спустить шкуру, что неделю не сможет сидеть.

– Чтобы близко тебя от бабки не было!

Много лет родители Тамары пользовались многим, что приносили матери и теще. Пользовались боязливым уважением, окружавшим семью, защитой им, маленьким людям. Но родители категорически не хотели, чтобы их дочь сама

стала ведьмой. Что было непоследовательно, конечно.

В тот вечер после подстаканника родители долго шептались. На другой день отец пришел с чем-то завернутым в старый мешок. Залез на чердак и стал там всю колотить. Слез без предмета в мешке.

– У нас дом старинный был, ему лет двести. Через всю крышу – балка толстая, матица. Теперь такую не во всех домах строят, а у нас была... Вот отец в балку и вколотил другую палку – кол. Матица-то из лиственницы, а кол я потрогала, понюхала – осина это.

– Точно можешь сказать, что осина?

– Ну какая деревенская девчонка ошибется?! Осина это. Если б отец щели не нашел, никогда бы кола не забил.

После этого стала у бабки гнить нога... Больше ничего не изменилось, а вот нога стала гнить... очень больно. Ульяна Тимофеевна позвала дочь:

– Лиза... скажи своему дураку... Скажи Антону... Если не умеет, пусть тогда и не берется.

Что передала мать отцу, Тамара не слышала, но осиновый кол из матицы пропал. Нога гнить у бабки перестала. А Тамара закончила школу, и папа с мамой стали всю собирать ее ехать учиться... Только что, еще в апреле, они ей и думать запретили про медицинский. Во-первых, там конкурс большой, не поступит. Во-вторых, рано ей из дому уезжать, молодая еще. Может быть, года через два... В-третьих, почему в медицинский? Пусть посидит, подумает, а поработать

можно и в конторе леспромхоза... Находились даже и «в-двадцатых».

В общем, долгое время очень не хотели папа и мама отпускать единственную дочь, а тут вдруг сразу все переменялось. Опять находились всяческие «в-двадцатых», но уже совсем в другую сторону. Учиться девочке надо. Все учатся, а она что, урод?! Нечего сидеть сиднем в деревне, надо себя показывать и людей смотреть. Нечего здесь замуж выходить за какого-нибудь комбайнера, в городе небось и получше найдется. Да вообще, что тут пропадать – в глуши, среди сплошного бескультурья.

У Тамары было такое ощущение, что ее быстро-быстро собирают и быстрее-быстрее, взашей выпроваживают из дома. Понятно, подальше от бабки. Им и проститься не дали.

Уже бибикала машина во дворе, уже простилась Тамара со всеми своими подружками, когда дали ей зайти в комнату к бабушке. Мама слева, папа справа, каждый держит Тамару за руку. Бабка посмотрела своими новыми нехорошими глазами, пожевала провалившимся ртом. Спросила:

– Про Лукерью помнишь?!

– Помню...

– Ну и ладно. И прощай, и все...

Родители чуть ли не силой вытащили Тому из комнаты, где скоро должна была перестать мучиться ее бабка. Девушка сама потом не знала, слышала она далеко-далеко, на пределе, когда машина уже выехала за околицу, позади тоскли-

вый вой, страшнее волчьего, или ей все же почудилось.

Лукерья... Лукерья была подруга бабки по какому-то лесному месту, где они вместе учились. Что это было за место, где находилось – Ульяна Тимофеевна никогда не говорила, только значительно усмехалась. Она рассказывала только, как собирали травы, как их варили, что пробовалось и как получалось. Тамара знала адрес Лукерьи Алексеевны. С самого начала, когда бабка еще ходила, был разговор: если будет Тамара в Большом Городе, пусть зайдет к Лукерье, передаст от Ульяны привет. Адрес такой-то, запомни. Адрес Тамара запомнила; память у нее была отличная, ничем почти не обремененная, разве что вот рецептами травяных сборов.

Лукерья Алексеевна жила в «частном секторе» – в буйном, в дурном, пьяном пригороде, где ни один праздник не обходился без пробитых голов, поножовщины и мордобоя. Знала бы Тамара, куда идет, никогда не пошла бы одна. И нарвалась, конечно: несколько «местных» мальчиков самого отпетого вида, такие же девочки:

– Кто этот тут шляется по нашей улочке?! Почему разрешения не спросила?!

Трудно сказать, каким унижением, а то и какой уголовщиной обернулся бы вечер, не назови Тамара, к кому идет.

– А-аа...

Шайка тут же расступилась, откровенно поджала хвосты. Почти бегом влетела Тамара в ограду вросшего в землю по завалинку, очень старинного дома. Лукерья Алексеевна ока-

залась маленькая сгорбленная старушка, добродушная, веселая и шустрая. Поила гостью чаем, вспоминала, как собирали травы с Ульяной, как вместе учились... тоже не уточняя, где именно.

– Что ты не «знаешь», тут ничего плохого нет... Ульяну жалко. Ну что мне с тобой делать... Оставлять я тебя не хочу, да и травки ты немного знаешь. Хочешь знать про них больше? Тогда приходи ко мне, пособираем вместе и поварим.

Как хотите, но ни о травяном учении, ни о «знании» Тамара ничего Лукерье Алексеевне не говорила.

– Что, будешь ко мне ходить?

– Буду... Только тут страшно. Пристают, и вообще...

– Я тебе охрану дам, не бойся.

Когда Тамара шла обратно в общежитие, с ней рядом бежала охрана... Вернее сказать, бежала не рядом, а на некотором расстоянии. Сперва просто удивлялась Тамара, что пустеет перед нею улица. Шагов за пятьдесят вдруг исчезает народ: заходит в ограду, удаляется в поперечные улочки, двигается дальше куда-то... Только никого возле Тамары не оказывается, идет она по улице одна. Так и шла до самого общежития через полгорода, словно гуляла одна по улице. Просто чудесно прошла!

Только перед дверями общежития обернулась Тамара и тогда заметила собачку... Маленькую такую, лохматую, черную, размером чуть больше таксы. У собачки острые бусинки красненьких глаз сверкнули так, что видно это было очень

хорошо даже с расстояния метров в тридцать... Это была очень обычная дворовая собачонка, самая настоящая шавка; но уверена была Тамара, что мало кто решил бы по доброй воле подойти к этой собачке или долго смотреть на нее, вызывая у собачки интерес.

Так и ходила Тамара весь год к Лукерье Алексеевне. Через весь большой и шумный город, через дурной пьяный пригород, и ничего дурного не случилось.

Только раз захотела Тамара подойти к собачке поближе после какого-то студенческого праздника... Но собачка тут же повернулась и побежала, сохраняя то же расстояние – примерно тридцать метров. Тамара как-то сразу почувствовала, что подходить к этой собачке не надо, и никакой настойчивости тоже не надо проявлять.

Эту историю я записал в конце 1990-х. Тогда, в конце 1970-х, общаясь с Тамарой, я записывал только некоторые, особенно интересные фрагменты, диалоги, детали длинных историй. Сейчас записал полностью все, как рассказали, продаю, за что купил.

Не буду врать, что был лично знаком со старушками. Ульяна Тимофеевна давно уже померла, и даже вещи из ее сундучка предусмотрительные родственники сожгли: кто его знает, что может произойти с Тамарой, если она их возьмет...

Знакомить с Лукерьей Алексеевной Тамара категорически отказалась, и единственно, кого я видел своими глазами,

это собачку. Маленькую, черную и лохматую. Очень обычную собачку. Но, когда я пошел в сторону собачки, она не стала убегать, вот в чем дело.

Собачка, как кошка, сложила спину дугой, повернула в мою сторону морду, оскалилась и стала прыгать в мою сторону. В каждом прыжке делала она не меньше полуметра, и я не смогу описать, какая мерзкая, отвратительная стала собачья улыбка. Я даже не мог представить себе, что вообще может существовать собака, вызывающая такое отвращение, как эта черное лохматое животное. И глаза... Крохотные, багрово-красные, они как будто испускали лучики; было в этих глазах что-то от скверного сна, дурного полуночного крика, кошмара, когда не понятно, что происходит в реальности, а что померещилось.

Нет, как бы я ни описывал, у меня вряд ли получится. Но поверьте: это было и страшно, и невыразимо, чудовищно мерзко. Находиться рядом с собачкой я просто физически не мог и быстро забежал в подъезд. А когда выглянул из окна второго этажа, собачки уже нигде не было.

В город, где тогда учился мой друг, я приехал последний раз в 1993 году на научную конференцию и прошелся, конечно, по знакомым улицам, доставил себе удовольствие. Но, куда ходила Тамара, я не знал и не знаю, с самой же Тамарой потерял всякую связь. Какова ее судьба – представления не имею.

Мой друг тоже не вспоминал о Тамаре много лет, они ведь

были только одноклассниками и года три жили в одном общежитии. Знаю только, что Тамара поступала в медицинский и не поступила. Потом с теми же баллами ее взяли в университет, она закончила его... Наверное, после университета Тамара уехала домой. Мой друг тоже отучился, вернулся в Красноярск и стал трудиться в Институте леса и древесины. С 1994 года он преподавал в одном итальянском университете... Там не получилось закрепиться, он вернулся в Красноярск и начал преподавать в местном Университете. Карьеры не сделал, докторской не защитил и очень страдает из-за этого.

Вот и все.

«Человек лесов»

В 1940-е годы журналисты стали спрашивать индейцев Калифорнии: мол, правда, есть такое существо – «человек лесов»?

– Мать божья! – удивились индейцы, – Неужели белые наконец-то узнали об этом?!

И. Акимушкин

О встречах со «снежным человеком» в Сибири ходит невероятное количество самых различных историй. Большая часть из них, конечно же, просто катастрофически недостоверна. Мало ли, какого рода бред может приключиться с пьяных глаз? Тем более огромное мохнатое существо с классическими атрибутами нечистой силы в виде горящих красным огнем глаз, с сочетанием во внешности человеческих и звериных признаков – как тут разделить вполне земное, хотя и редкое существо, и того, кто должен приходить «в гости» к нехорошим, сильно перепившимся людям?

Само название «снежный человек» на редкость неудачно, так же как совершенно не подходит ни тибетское йети, ни шерпское голуб-яван. Тогда уж надо применять одно из названий, родившихся у сибирских народов: куль, чучуна, тоотек и так далее. «Реликтовый гоминоид» – то есть пережившее свой век существо, родственное человеку – слишком «научно», да и не знаем ведь мы, что это за создание, на-

сколько нам родственно. Самое приемлемое, по-моему, это буквальный перевод с некоторых индейских языков: «человек лесов». Это и нейтрально, и поэтично в то же время, а главное – достаточно точно.

Одно время мой дядя, член-корреспондент Академии наук СССР, входил в комиссию, проверявшую данные экспедиции Жанны Иосифовны Кофман.

Мария-Жанна Кофман, дочь французского еврея-коммуниста, – человек очень непростой судьбы. Были в ней и аресты за попытку бежать обратно во Францию, и работа врачом в сталинских лагерях, приключения совсем иного рода – прекрасная альпинистка, Жанна Иосифовна с 1942 года стала командиром бригады инструкторов по альпинизму, готовила солдат к боям в горах. Участвовала в снятии с Эльбруса флага, установленного нацистами в 1943 году.

В середине 1950-х друзья-альпинисты познакомили живущую в Серпухове Жанну Иосифовну с величайшим энтузиастом изучения «человека лесов» – Борисом Федоровичем Поршневым. Она участвовала в Памирской экспедиции Академии наук 1958 года по поискам «снежного человека». Это существо не нашли, и Академия наук давала все меньше средств для его поимки. Тогда Жанна Иосифовна в 1960 году на свои личные средства основала в Сармаково, в Кабардино-Балкарии, базу экспедиции, которая продолжала сбор сведений об «алмасты».

В 1987 году М.-Ж. Кофман основала Российское объеди-

нение криптозоологов и долгие годы была его председателем. А сведений о «человеке лесов» собрано было немеряно. Пресса увлеченно вопила про сотни случаев встреч со «снежными людьми»; получалось так, что по Абхазии вообще «снежные люди» ходят чуть ли не толпами, и каждый пожилой абхаз имеет среди них личных знакомых.

Вот дядя и входил в комиссию Академии наук, которая честно встречалась со всеми информаторами Жанны Иосифовны и вынуждена была прийти к выводу: увлеченная Ж. И. Кофман, мягко говоря, слишком часто шла на поводу у своей «идеи фикс».

Комиссия выяснила со всей жесткостью: многие рассказы и записаны были только из-за плохого знания языка. И потому, что сотрудники Жанны Иосифовны откровенно подсказывали местным жителям ответы.

Выходит комиссия на старика, который еле говорит по-русски, но Жанне Иосифовне очень подробно рассказывал о встрече со «снежным человеком», на котором была шерсть и надбровные дуги. Комиссия задает ему вопрос уже через переводчика: а какие у «снежного человека» были надбровные дуги?

– А вот такие, как у тебя! – ткнул дед в очки члена комиссии.

– И у него надбровные дуги? – уточнили, показывая еще не одного «очкарика».

– Да! Да! – радостно подтвердил дед: наконец-то его пра-

вильно поняли.

– А какая на нем была шерсть? – спрашивала комиссия, уже трепеща от предвкушения. И дождалась.

– На тебе вот шерсть, – абхазский дед показал на свитер одного из членов комиссии.

– На «снежном человеке» была такая же шерсть?

– Нет, на нем была длиннее, примерно как вот у этого... – показывает дед на другого члена комиссии.

Перлом работы комиссии стала находка «снежного человека» – инженера Гоги из Тбилиси, очень обиженного на одного абхазского долгожителя. Инженер размечал трассу для будущей дороги через Большой Кавказский хребет в совершенно ненаселенных местах, выше уровня лесов. Было жарко, инженер разделся, оставив на своем организме только бо-лотные сапоги и черные семейные трусы. Он шел через вы-сокотравье, слушал басовитое жужжание шмелей, радовался жизни, и вдруг...

Потом деда, разменявшего двенадцатый десяток, много раз спрашивали: ну зачем он построил на своих горных паст-бищах туалет?! Старик только сердился, объясняя на всех знакомых ему языках, что хозяин – барин, что вот захотел – и построил. Еще труднее объяснить, зачем старик приделал к сортиру огромный висячий замок и запирает его на ключ. Но, во всяком случае, замок он приделал, запер сортир на ключ, перед тем как угонять отары вниз, в теплые абхазские долины.

Самое иррациональное в этом, что дед ни разу не сходил в этот сортир, что вызвало новые вопросы: зачем строил?! От рациональных вопросов дед только приходил в еще большую ярость, шипел и плевался от злости. Вот сделал он сортир, и все тут!

В отличие от деда инженер Гоги не отказывался от попыток рационально объяснить свое поведение:

– Вижу – сортир... Деревенская будочка. Я – искать, кто тут живет. По карте – никого нет, а сортир стоит. Никого нет! И следов человека никаких нет! Тогда я и залез в сортир...

– Гоги, да зачем «залез»? Вокруг же безлюдье! Никого! Сиди себе в душистой травке, любуйся на горы...

Гоги долго думал, шумно вздыхал: очень хотел честно ответить авторитетной комиссии из Москвы и Питера.

– Понимаете... Такой он был таинственный, сортир. Ну подумай сам – это же загадка! Тут все что угодно подумаешь: Атлантида! Космические пришельцы! Параллельные пространства! Как сами не понимаете, надо же было проверить, что в нем особенного, в этом сортире?!

– Думал, там вход в параллельное пространство?

– А зачем тогда заперли, а?!

Очень может быть, дед как раз предвкушал, как весной поднимется с отарами на летние пастбища и лично обновит свою постройку. Если так, особенно понятно, почему он пришел в такую ярость. Потому что вокруг сортира все было истоптано, будто бегало сто человек (это Гоги искал местных

жителей), замок с его любимого сортира цинично сбили валуном, а в самом сортире – дед ясно увидел сквозь приоткрытую дверь – сидел кто-то огромный, черный и издавал невнятное рычание.

Рычание стало единственным моментом, по поводу которого Гоги стал очень немногословен:

– Болел, дорогой... Понимаешь, сильно болел... Такое питание...

...А тогда дед как увидел, так сразу понял: в сортир забрался «снежный человек»! Он помнил, что его дед застрелил одного «снежного человека», когда «снежный человек» таскал его кур из курятника. Но это значит, у «снежных людей» кровная вражда с его родом! Он тут один, без могучих семидесятилетних сыновей-защитников, без юных сорокалетних внуков, которых пора учить благородному делу кровной мести...

Но дед, конечно же, не растерялся! Храбрый защитник своих стал и родной земли, он стал поднимать и кидать камни в сортир, метясь в сидящее в нем существо. Черный, страшный, мохнатый выскочил из сортира, стал метаться и страшно орать на нечеловеческом, никому не понятном языке (орал Гоги по-грузински, но деду был что грузинский язык, что вой волков; вой волков даже, наверно, понятнее).

В конце концов камни стали попадать в Гоги, дед мог торжествовать – он победил, он прогнал страшного «снежного человека»! Разъяренный Гоги написал в милицию заявление

листах на пяти, приложив справки о своих ссадинах и синяках. Жанна Иосифовна как-то не обратила внимания, что Гоги побили как раз там, где дед одолел «снежного человека», и сделала вывод: рассказ абхазского деда вполне достоверен!

Это въедливые, скучные члены комиссии, чуждые истинной романтике, отыскиали Гоги – «снежного человека», расспросили его, даже свозили на место происшествия, чтобы снять все вопросы. Дед признал Гоги и даже принес ему свои извинения. Гоги тоже извинился перед дедом за осквернение его сортира... В общем, идиллия, но, конечно же, к «реликтовому гоминоиду» история не имеет отношения.

Кстати, истории про «снежного человека» поступали и из Сибири, с Саянских гор. Комиссия их тоже честно проанализировала, но даже выезжать в Саяны не стала: все до единого истории были сочинены явно с сильнейшего похмелья.

Когда мне сегодня рассказывают, как «человек лесов» буянил в пригородах Красноярска, в километре от железнодорожной станции, для меня нет никаких сомнений: скорее всего, тут замешан очередной «инженер Гоги». Или другой вариант: информатору надо поменьше употреблять славных напитков... А может, ему следует покрепче задуматься о своем поведении и образе жизни, потому что, если бесы начали являться среди бела дня и громить загаженную комнату, куда же дальше?

Часть историй о встречах с «человеком лесов» – открито-

венное влияние прессы, телевидения, рассказов, всякого рода «пугательных» историй у вечернего костра. Человек, впервые попавший в лес, в «ненаселенку», за десятки верст от ближайшего жилья, невольно все время напряжен. Неуверенный в себе, он не знает, кто это кричит в ночном лесу? Кто это тяжело протопал по склону во-он той сопки? Ветер трогает листву или это звук тихих шагов? Звенит ручей или это зудящий голос неведомого существа?

Приходит опыт, исчезают страхи, но не сразу. Почти у всякого «экспедишника» есть период, когда ему в лесу могло привидеться почти все что угодно. Не потому, что человек труслив, а потому, что он неопытен. Если же человек и правда робок, если плохо воспитан, не умеет ввести в рамки разыгравшееся воображение, позволяет лезть из «подкорки» всему, чему лучше там, в «подкорке», и остаться... Тогда есть реальный шанс – до конца своих дней человек будет уверен: он видел и слышал неведомое существо! Это маловеры и клеветники врут, будто на его пути был только вывороченный комель дерева. Наверное, им завидно, они хотят похитить приключившееся с ним чудо...

Конечно, случается и простой обман зрения, вполне честная ошибка... Уже упоминавшийся здесь родственник, Александр Александрович Федоров, рассказывал мне, как принял за «человека лесов» медведя, долго бежавшего на задних лапах. Он описал этот случай в своей книге «Два года в Саянах», но вот о своих мыслях в тот момент, что готов

был принять медведя за «реликтового гоминоида», в книге умолчал.

О таком же случае рассказывал мне один археолог из Иркутска. Бывают в жизни забавные совпадения, случайности, породившие большие последствия. Мой сотрудник рассказывал о своей экспедиции в Туве еще в 1980-е гг.:

– Был у нас один такой мужик – огромного роста и волосатый. Жутко волосатый, черный волос по всему телу, даже на животе. В экспедиции отрастил бородищу и не брился, не стригся два месяца. Растительность во все стороны, руки как бревна... Нам и то смотреть бывает жутко. А тут день случился теплый, ясный, он разделся, так в маршрут и пошел. Тут, видим, едет тувинец. Маленький такой, едет и поет. Весна, тепло, так самозабвенно поет, прямо глаза закрыл. Перевалил гору, едет, раскачивается. Тут Гоша хмыкнул в кулак, тувинец открыл глаза...

Представляете, стоит перед ним великан, сантиметров на сорок его выше. Выше, чем он на лошади! Из черного волоса еле глаза сверкают, сам мохнатый. Тувинец заорал, так что Гоша сам едва не свалился, поднял лошадку на дыбы и вскачь назад! Сколько скакал, все орал и орал диким голосом. Теперь его опросить – уверяю вас, он расскажет, что видел «человека лесов» своими глазами, совсем близко.

Между прочим, все верно: такая история, если тувинец ее расскажет авторитетной комиссии, вполне сойдет за подлинную.

Но вообще-то комиссия Академии наук в далеком 1960 году сочла недостоверными 90 % всех историй, собранных Жанной Иосифовной. Много. Очень высокий процент информационного мусора. Но что такое 10 %? Это примерно 350 историй – ни много ни мало. 350 историй о встречах со «снежным человеком» на Кавказе. Это тоже очень много.

Мне рассказывали не меньше 30 историй такого рода. Из них я выбрал четыре истории, которые мне показались наиболее «доброкачественными» – по надежности в первую очередь самих информаторов. Что характерно – все достоверные встречи с «человеком лесов» происходили в 1940–1950-е годы, до массовых вырубок лесов в средней полосе Сибири. В конце 1960-х – в 1980-е годы надежные сведения поступают только из северных районов Красноярского края.

Первые два рассказа я услышал в декабре 1988 года. Мы говорили с Геологом, пили чай, и он рассказывал то, что я описываю ниже. В это время зашел биолог... известный в профессиональных кругах палеоботаник – специалист по ископаемым растениям. Услышал последние фразы Геолога и произнес очень серьезно:

– Если бы я вас обоих не знал, нипочем бы не рассказывал... За сумасшедшего примут. Но раз такой разговор пошел... Расскажу.

*Рассказ доктора геолого-минералогических наук.
Тоджинская котловина, конец 1950-х*

Тогда, в конце 1950-х, молодой Геолог обследовал почти ненаселенный край в Тоджинской котловине. Масштабы Тоджи довольно приличные – километров 300 на 400, – и лежит она, отделенная от всего мира хребтами Саянских гор с севера, юга и востока. Котловина лежит высоко; климат там такой, что русские так и не стали ее заселять, даже в июне и в августе возможны заморозки. Покрытая роскошными кедровыми и еловыми лесами равнина, край непуганых зверей, наклонена к западу, и туда стекают ее реки, выходят на основные равнины низкой, степной Тувы.

В хребтах, обрамляющих с востока Тоджинскую котловину, Тоджу, начинаются Бий-Хем и Ка-Хем – реки, слияние которых дает Енисей.

Молодого Геолога с напарником забросили в верховья Бий-Хема. В их задачу входило в основном плыть по реке, сплавливаясь до населенных мест, у подножия гор. Так и плыли они с напарником, плыли на лодке, вдвоем, по почти неисследованным, неизвестным местам. Целый месяц они не видели других людей, потому что во всем огромном, чуть ли не с Шотландию, Тоджинском краю жили всего несколько сотен людей из племени тофаларов – оленеводов и охотников; да еще, по слухам, беглые старообрядцы.

Лодку проносило мимо мыса, лось поднимал голову, недоуменно смотрел на людей. Так и стоял, по колена в воде, даже не думая бежать. Стоял, смотрел, пытался понять, что за создания плывут? Лось впервые видел таких странных

двуногих существ...

Стояли светлые июньские вечера, белок приходилось выгонять из палатки: они сигнажи по спальникам, забирались в котелок, отнимали у геологов сухари.

Сама невероятная история случилась под вечер, когда пристали к тихому плесу. Звериная тропинка отходила от плеса, вела вдоль берега. Напарник ставил палатку, а Геолог решил пройтись по тропе – просто посмотреть, что здесь и как, куда занесло, если уж ночевать на плесе.

Много позже он ясно припомнил, что тропинка вела не вглубь леса, а шла вдоль берега реки и что ветки не били в лицо – значит, ходил по тропинке кто-то крупный, высокий. Ведь даже медвежьи тропинки низкие, ветки смыкаются на высоте метра-полтора. Но это все было потом, этот анализ. А пока на тропинке Геолог страшно удивился, вдруг увидев кого-то в рыжей меховой шубе. Этот кто-то бежал от него по тропе, метрах в тридцати впереди.

– Эй, парень! – заорал Геолог.

Местный припустил еще быстрее. Геолог побежал за ним – и азарту для, и надо же нагнать бедного местного, объяснить, что они люди мирные, от них не надо ждать беды. С геологами, наоборот, надо всегда делиться – свежей ли рыбой, молоком ли...

Местный бежал очень быстро, Геолог удивлялся, какие у него короткие ноги, длинная коричневая шуба. Потом «местный» вдруг прынул за ствол и стал выглядывать оттуда.

– Эй! – опять крикнул Геолог. – Ты чего?! Мы тебя не тронем, мы геологи!

Местный выглядывал из-за ствола и улыбался. Улыбался во весь рот, в самом буквальном смысле от уха до уха. Местный, что ни говори, был все-таки какой-то странный. Весь в рыже-бурой шубе, мехом наружу, с рукавами. Волосы, лицо какое-то необычное, без лба, и эта улыбка...

Чем больше Геолог смотрел на эту улыбку, тем меньше хотел подойти. Он сам не мог бы объяснить причины, но факт остается фактом – «местный» словно отталкивал взглядом. Геологу самому было как-то неловко, в конце концов, чего бояться? Да и оружие при нем. Но в сторону этого местного, в шубе, он так и не пошел. Наоборот, он начал двигаться в противоположном направлении, к лодке и к палатке, словно они могли защитить от этой улыбки, от пронзительного взгляда синих точечек-глазок.

Напарник уже поставил палатку, почти сварил уху, удивлялся истории про «местного». Геолог бы охотно уплыл, но уже почти стемнело, плыть дальше сделалось невозможно. За ужином все обсуждали, удивлялись, что тут могут делать люди – вроде ни скота, ни раскорчеванной земли под пашню, под огород. В палатку с собой взяли ружья, в изголовье сунули топор, но приключений в этот вечер больше не было.

Только ночью кто-то ходил вокруг палатки и однажды дернул за растяжку так, что она зазвенела, как струна.

– Ты чего?! – заорал Геолог. – Я тебе!

Больше растяжками никто не звенел, но утром перед входом в палатку нашли здоровенную кучу фекалий, на вид совершенно человеческих, да на кустах висели пряди длинной, сантиметров десять длиной, шерсти.

– Вы не взяли ни фекалий, ни шерсти?!

– Не взял... Тогда как-то не думал, что это так важно.

– Скажите по совести: не было желания засадить жаканом в этого «местного»?

– Нет, ну что вы... Я же думал, это человек, пусть необычный.

Рассказ доктора биологических наук.

Начало 1960-х, Тоджинская котловина

Эта экспедиция тоже сплавлилась на лодках, но только на резиновых, легких, и шла не все время по Бий-Хему, а сначала по его притоку. Это была экспедиция биологов, и цель была в том, чтобы собрать как можно больше коллекций: гербариев, шкурок, сведений о численности разных видов.

Ученые плыли по реке и где-то в конце июня оказались совсем недалеко от тех мест, где несколько лет назад побывал Геолог, будущий доктор геолого-минералогических наук. В этом месте река делала острова, и ученые старались эти острова обследовать: там могла быть живность, какой не найдешь на берегу. Ночевать они старались на островах, потому что медведи вели себя не то чтобы агрессивно... просто им было интересно, они могли полезть к людям ближе,

чем надо.

Лоси так вообще могли огорчиться, что люди ходят возле них; старый лось, и самец, и самка, могли бы захотеть их отогнать или убить. Вроде бы звери пока ничего плохого им не сделали, а как-то без них все же спокойнее. Биологи логично рассудили, что на островах им будет безопаснее.

...Этот остров был длинный, намытый. Ученые решили сначала обойти его, каждый по своему берегу, просто так, на всякий случай.

Биолог быстро наткнулся на тропу; по этой тропе человек мог идти комфортно, без всяких бьющих в лицо ветвей. Тропа была сделана кем-то высоким, двуногим.

Тропа вела к сооружению, больше всего напоминавшему огромный, небрежно сделанный шалаш... Шалаш из ветвей толщиной в руку, даже в бедро... Ветвей не отрубленных, а, судя по всему, сломанных или открученных. В шалаше никого не было, только налипла на ветках, валялась на истоптанном полу рыжая и бурая шерсть.

Пока Биолог рассматривал шалаш, пытался понять, что вообще происходит, в стороне раздался страшный шум.

– Коля, ты? Что там у тебя? – прокричал обеспокоенный Биолог.

– Да вовсе не у меня, – голос напарника раздался совершенно в другом месте, – Это у тебя что-то шумит... Ты что, через кусты там ломишься?

Друзья как-то заторопились увидеть друг друга, встре-

титься; в глазах каждого читалось одно и то же – сильное желание уплыть побыстрее с этого острова... и уж во всяком случае, на этом острове не ночевать.

Задаю тот же вопрос:

– Как же вы оставляли шерсть?!

– Да знаете, как-то вот оказывалось не до нее. Очень было странно мне в этом шалаше-нешалаше. Странно и неприятно, жутко, очень не хотелось там оставаться.

Рассказ главного инженера крупного объединения.

Нижняя Тунгуска, 1977 год

Этот человек даже не сам проводил разведки нефти в Эвенкии, он только организовывал поиски. Работа шла к концу, стоял конец августа – уже совсем осень в этих местах, и Инженер ударил себя пяткой в грудь: за все лето только сидел за картами, выслушивал начальников, «вышибал» горючку, проверял работу отрядов и буровых! Ни разу сам не вышел в маршрут, не закинул удочку, не взял в руки ружья. Лето как и не лето, а много ли их впереди, таких экспедиционных лет? Скоро пятьдесят.

Тогда взял начальник все что нужно и пошел вверх по реке к нужной ему буровой. Три дня ходу по тропинке, по ненаселенным местам, без всякой рации и вообще без связи, в полное нарушение всех норм техники безопасности.

Шел он и шел, наслаждаясь шумом тайги и реки, покоем и возможностью в кои-то веки побыть один на один с приро-

дой. На третий день пути, к вечеру, уже недалеко от буровой Инженер вдруг заметил крупного мужика, стоящего в воде по колени. Вода текла здесь быстро, образуя водовороты вокруг ног, но растекалась широко, мелко; мужик что-то делал в воде, водил там руками; то ли что-то стирал, то ли собирал что-то на дне. Это был первый человек, которого увидел Инженер за три дня пути.

– Эй! – заорал Инженер, замахал рукой стоящему.

Тот выпрямился, махнул в ответ и снова завозил в реке руками.

– Эй! – снова завопил инженер. – Как там дела на буровой?

Он подошел уже близко, метров на пятьдесят, когда стоящий в реке снова выпрямился. С рук его стекала вода, в правой он держал здоровенного бьющегося налима. Жуть охватила Инженера: перед ним стоял вовсе не человек с буровой, а мохнатый, в бурой шерсти великан, по крайней мере в два метра ростом.

Красным огнем горели в сумерках глаза, мрачно было лицо, обращенное к инженеру.

Великан махнул в сторону Инженера рыбой, что-то проворчал трескучим голосом. Инженер стоял как вкопанный, судорожно соображая, нужно ли сдергивать карабин? Великан еще постоял и неторопливо пошел в лес.

Инженер, стараясь держаться подальше от бурелома, густых зарослей и впадин, держа руку на замке карабина, к но-

чи подошел к буровой. От него не укрылось, как удивлены, даже испуганы люди его появлением. Было в их поведении что-то, далеко выходящее за пределы опаски подчиненных, к которым вдруг пожаловало высокое начальство.

– Что испугались? Он разве нападал на кого-то?

– Кто «он»?!

– Ну кто... Тот самый, который ниже по реке живет. Мы с ним встретились только что. Ну, рассказывайте, кого он гонял?

– Да не гонял... Приходит, смотрит.

– А вы бы из ружья!

– Если раним, представляете, что сделает?! Нет, мы уж так, мы переждем. Он же не нападает.

– А еды ему давали?

– Рыбу давали. Мы поймаем, он придет и смотрит...

– А вы сразу и бежать!

– Да не бежать, какой вы. Мы специально оставляли. Он налима поймает, принесет и махнет в нашу сторону: вроде спрашивает, хотим ли.

Я тогда спросил у Инженера, почему не сфотографировали «человека лесов», не осмотрели следов, шерсти? Да потому, оказывается, что наутро прилетел вертолет, долго грохотал, летал взад-вперед над этим местом. Потом ждали, даже ходили искать, не нашли. Наверное, «человек лесов» ушел в более спокойное место.

Рассказ ветеринара.

Таймырский полуостров, 1987

– Я вам расскажу, вы вроде смеяться не будете, но сразу говорю: чуть что, от всего отопрись. Не видел ничего, это сам Буровский все придумал.

– А почему? Что тут плохого?

– Да знаю я... Опять скажут, что сидим там, у себя, квазим без перерыву, вот и мерещится. Скажут, это такой тундровый дух, а мы просто дикари, не понимаем... знаю я.

– Так ведь ты описываешь вовсе и не духа. Духи разве оленей воруют?

– Откуда я знаю, что духи делают?! Их я ни разу не видел, а кулей видел. Но я и кулей только раз видел. Дед рассказывал, их раньше много было, надо было осенью ходить осторожно, особенно в тумане. Они в тумане всегда и приходят – и к стаду, и так. В тумане свистят, или вдруг голос раздается – тогда стой, туда не ходи.

– Разве они опасные? Вроде только страшные на вид, а на людей не нападают.

– Может, и не нападают... Раньше бывало, что начались туманы, надо олешков сбивать и на юг откочевывать; ушел человек в туман – и не вернулся. Скажешь, заблудился? Нет, не заблудился, такие люди не могут плутать, не умеют. Дед говорил, что куль опасный, если ты вдруг возле него окажешься – тогда он может испугаться. Потому в тумане ходишь – надо шуметь, кричать, нельзя совсем тихо ходить.

Я совсем тихо тогда ходил, забыл, что так нельзя, вот и на-
ткнулся. Нельзя было тихо ходить.

– Если он оленей крадет, как же вы не заступаетесь?

– Почему не заступаемся? Только надо думать, как засту-
паться. Надо сразу оленей на юг уводить, и все. Еще в воздух
стрелять можно, шуметь, а в самого куля стрелять нельзя,
страшно.

– Ты же стрелял?

– Нет, я в него не стрелял, я потом стрелял, в воздух. До
того мы с дедом тоже в воздух стреляли, когда куль унес
олешка. Стадо бежало, туман, найти трудно. Только дед мог
найти место, где видно, как куль олешка поймал: топтались
на земле, крови много, и башка валяется.

– Башка целиком?!

– А что? Куль поймал и сразу оторвал, чтобы рога не та-
щить. Сам подумай, зачем кулю рога?

– Куда он станет тащить? Как ты думаешь, есть у куля
дом?

– Откуда я знаю? Может, у него дети есть, он им носит?
Тогда по следу можно пойти было, след в сторону старых
ям вел... оврагов. Кровь была, след был как босые пальцы,
только больше. Дед не велел, говорит: нельзя за ним ходить.
Мы тогда в воздух стреляли, пугали.

Назавтра я в туман опять ходил стадо смотреть и не туда
вышел. Там овраги такие... ну, дырки в земле... от геоло-
гов. Я чуть в такую яму не свалился, тогда понял – совсем в

сторону ушел, опять дед смеяться будет: скажет, внук узнал городскую науку, а как по земле ходить, науку забыл. Ну прикинул, где стадо, пошел. Слышу – свист. Сильный свист, сильнее, чем если человек свистит. И голос такой... трескучий. Вроде человек так говорить не может, и ни один зверь тоже не может. Туман плывет, тундру то видно, то нет. Небо серое, в тучах, и непонятно, где тучи кончаются, а где туман. В такие дни все непонятно. Вроде вот он – холм с двумя вершинами! А его туман хлоп – и закрыл. Сам плывет, и где ты видел холм с двумя вершинами? Может, вот тут? А может, вот там?

Вроде у меня теперь ямы сзади, а стадо вон там... Где как раз свист и голос трескучий. Не хочу туда идти, прикидываю, как обойти и все равно попасть к стаду. А туман плывет, все непонятно. Уже вроде сзади голос... Это я так прошел или он сзади специально зашел? А впереди то ли мелькнуло что-то, то ли туман плывет, самому непонятно.

Я карабин в руки взял, чувствую, не один я в тумане, есть еще кто-то. Страшно и непонятно, потому что звуки непонятные. Только забыл я, что шуметь надо. Наоборот, мне страшно, я тихо иду, чтобы незаметным быть. Прошел еще несколько метров: вроде что-то высокое стоит и вроде движется. Или это туман движется?

Тут расходится туман, и вижу: стоят два куля, совсем рядом. Один большой, другой поменьше, но тоже куда больше человека. Стоят, смотрят. Туман ползет, но между нами его

мало, их видно почти целиком. Сколько до них было? Метров... семь. Может, и шесть, может, и десять... Но так думаю, что семь. Какие они... Ну, лохматые, шерсть так и висит. Рыжие с бурым, который меньше, тот посветлее.

Лицо почти как у людей, только мохнатое, и лба можно считать, что нет, голова сходит кверху на конус. Рты большие, на все лицо, и не розовые губы, а серые. Глаза красные и словно светятся изнутри, как угли. Руки висят ниже колен.

– Тот, меньший... не самка?

– Не рассмотрел. Но очень может быть, и женщина, как знать. Тот, большой, руку на плечо положил меньшему. И смотрят оба. Не то чтобы угрожали, нет. Не рычат, не скалятся, не говорят ничего... просто стоят и смотрят. А выражение глаз... Нет, не могу описать, никогда такого и не видел. Тут туман опять – раз! Закрыл кулей. Я их еще как будто различаю, вижу сквозь туман, а потом – раз! И нету их. Куда исчезли, как? Не знаю. И видел-то я их сколько? Думаю, меньше минуты я их видел, и все. И пошел я к стаду, что еще оставалось? Иду и боюсь, пройду несколько шагов и обернусь, постою с карабином. Так и вышел к стаду еле-еле. Дед на меня напустился, а как узнал, где я был, еще пуще. Он думает, дед, что кули в этих ямах зимовали и что нельзя было туда ходить.

– Зимовали?!

– А что? Зимой никто никогда кулей не видал, верно? А ведь зимой следы всегда видны хорошо. Если кто-то в лесу

есть, сразу по следам его найдут. А летом кули есть, это все знают.

– Все-таки почему не стрелял? Добыть «лесного человека» – это же сразу слава! Весь мир спорит, есть он или нет, а ты бы и добыл. Там близко было совсем, почему же не стрелял?

– Сразу видно, вы их сами не видели! Глаза у них... В общем, люди это, сразу видно. Дед прав: я сам стрелять в них не буду и вам бы не дал, если б вы стрелять вздумали, ствол бы подбил.

Рассказ палеонтолога

...Этот человек приходился внучатым племянником знаменитого художника-баталиста. Очень известная фамилия. Я познакомился с ним в конце 1970-х, когда Палеонтолог был уже знаменитым специалистом по мамонтовой фауне, а я – студентом.

Судьба же у него своеобразная: в 1930-е годы заниматься фундаментальной наукой дворянину не полагалось. А прикладной – было можно. Николай Кузьмич и занимался разведением ондатры в Московской области и в Закавказье. Среди прочего он был знаком с легендой нашей семьи – с академиком Николаем Ивановичем Вавиловым. С Вавиловым были близко знакомы и мой дед, и упоминавшийся на этих страницах дядя. В книге Палеонтолога «От ондатры до мамонта» описывался и этот человек. И еще там рассказывалось, как

он устроил засаду на «биби-гулям», то есть «дикую бабу». На это существо по представлениям азербайджанцев охотиться нельзя, ему нельзя вообще причинять никакой вред.

Но Палеонтолог описывает, что устроил лабаз на ветвях дерева, над речкой – на тропе, где встречали «биби-гулям». В книге очень художественно описано, как шумела река, кричали птицы, бликовала луна на стволе ружья. Как раздались страшные крики, приписываемые «биби-гулям», как появился на тропе вертикальный силуэт... Палеонтолог выстрелил. Почти человеческий стон, существо пыталось уползти... после второго выстрела оно не шевелилось, но палеонтолог не решался спуститься с лабаза до первого света. Спустившись в сером полусвете утра, он разглядел существо ростом с четырнадцатилетнего подростка, самку с почти человеческим лицом.

История завершается неожиданно: Палеонтолог... проснулся.

Мы встретились с ним у Палеонтолога дома, 23 октября 2008 года. Проговорили около двух часов – о старых временах, о Вавилоне, я рассказал ему семейные легенды о встречах с этим человеком. Поговорили и о мамонтах, конечно... В конце концов я задал вопрос:

– Николай Кузьмич... Если это важно, обещаю никому не рассказывать. Но скажите честно, ведь история с «биби-гулям» была вовсе не во сне. Вы просто выбросили в реку труп, чтобы не вступать в конфликт с местными людьми... Пони-

маю: они могли бы проявить к вам нешуточную агрессию.

Трудно описать ироничный до предела взгляд Палеонтолога... уперевшись в мои глаза своими голубыми выцветшими глазками, Палеонтолог быстро облизнул губы острым язычком и очень серьезно произнес:

– А я забыл.

Больше о «биби-гулям» мы не говорили, а 27 октября 2008 года Палеонтолога не стало. Видимо, кроме членов семьи, я был последним, кто с ним встречался. Но эта история имела неожиданное продолжение...

О нашей встрече я рассказал своей маме, Елена Вальтеровне Буровской. И о «биби-гулям» тоже.

– А знаешь, Андрейчик, твой дедушка тоже искал «биби-гулям»... – задумчиво произнесла мама. – Они с дядей Сашей Плетневым засаду делали на это создание...

– Где?!

– На Гирканском участке... И в горы ездили.

– Не поймали?

– Не знаю... Знаю только, что раза два ездили, искали.

До этого я никогда не слышал об этом эпизоде в жизни деда, Вальтера Эдуардовича Шмидта. Человека этого я считаю исключительно умным и образованным и очень хорошим ученым. Что именно он слышал о «биби-гулям» и находил ли он это существо, не имею никакого представления.

Лесной наездник

Истории про лесного наездника локализованы в Томской, Омской областях, на юге Ханты-Мансийского национального округа, на востоке Тюменской области. Для меня эти истории интересны еще и тем, что за ними, вполне может быть, стоит нечто более реальное, чем кажется.

Сама история очень проста. Происходит это всегда с человеком, который впотымах в одиночестве возвращается домой. Когда он проходит мимо крупного дерева, раздается шорох, и на спину идущего обрушивается мягкая тяжесть. Не очень большая, не раздавливающая, но и не маленькая, порядка 2–3 пудов. Тонкие черные мохнатые руки обхватывают человека крест-накрест через плечи, нижняя пара таких же (или почти таких же) конечностей обхватывает поперек живота. Происходит это всегда как минимум в нескольких километрах от ближайшего жилья, и встает дилемма: или самому избавляться от наездника, или идти «в жилуху», к людям.

Для того, кто слышал о «лесном наезднике», тут вопрос не стоит: надо как можно быстрее идти к деревне. Освободиться от наездника, пытаясь ударить его об ствол или ранить его слепым ударом ножа назад, бессмысленно. При любой попытке причинить вред «наезднику» конечности стискиваются с такой силой, что пресекается и очень не сразу восстанавливается дыхание.

С наездником надо идти к людям, стараться не делать резких движений, ничем не вызывая гнева или страха «наезд-

ника». «Наездник» исчезает сам, когда путник подходит уже к самым освещенным окнам или если кто-то стоит на улице или выходит из дома. При появлении людей «наездник» мгновенно отпускает захваченного человека и отпрыгивает в сторону. Интересно, что при этом он никогда не отталкивается от того, кто его нес, заставляя терять равновесие или отбрасывая человека. «Лесной наездник» ведет себя весьма корректно, спрыгивая за спиной человека, мгновенно сгибая в заросли папоротника, кустарника или высокотравья: «Только зашелестело, а его уже и вовсе нет...».

Точно так же он отпрыгивает, когда до дома или до входа в ограду остается буквально несколько шагов. Некоторые считают, что для благополучного избавления необходимо произнести «Изыди Христа ради», но они же описывают, как удирает наездник при появлении новых людей и независимо от того, была ли произнесена молитвенная формула.

Может ли «наездник» заставить человека идти вовсе не к дому? Тут мнения расходятся. Нельзя исключить, что попросту те, кого заставили уходить от жилья, уже не могут рассказать о своих приключениях.

Как правило, «наезднику» попадают родившиеся и выросшие в тех местах, где он появляется; знающие, как себя вести. Но есть история про «железнодорожника», который в Сибири жил недавно, про «наездника» ничего не знал... его нашли со свернутой шеей в одно осеннее утро совсем недалеко от трассы. Никакая шайка в это время здесь не орудо-

вала, да и сам способ убийства как будто указывал на «лесного наездника».

Могут ли женщины попадаться «лесному наезднику»? Конечно, могут; рассказывают об истории давней, произошедшей еще на рубеже XIX и XX веков, но как будто достоверной, когда вышедшая «до ветру» женщина подверглась нападению. «Наездник» не подпускал женщину к дому, пока она не сделала нескольких кругов вокруг усадьбы с ним на спине. Эта история, кстати, служит подтверждением того, что «наездник» при желании может контролировать поведение человека, не подпускать его к спасению. В случае с женщиной «наездник» просто развлекался.

По всем описаниям хорошо видно, что «наездник» – существо вполне материальное. Никакими мистическими свойствами он не наделяется, никаких волшебных действий для избавления от него совершать не надо. По рассказам это весьма необычное, но принадлежащее этому миру существо.

Осмелюсь высказать предположение, что «лесным наездником» вполне может оказаться молодь «человека лесов» – «реликтового гоминоида». Детеныши всех крупных человекообразных обезьян – существа исключительно игривые и энергичные, вполне способные к развлечениям типа катаний на зазевавшихся людях. Разумеется, это предположение совершенно недоказуемое, пока в руки ученых не попал хотя бы один экземпляр «лесного наездника», желательно живого. Но предположение это совершенно реально, детеныши

крупного гоминоида должны были бы вести себя примерно так.

Косвенным подтверждением гипотезы служит и время, когда прекратились все истории про «лесного наездника» – 1960-е годы. Это рубеж «освоения» лесных массивов Томской, Омской и Тюменской областей, активнейших поисков западносибирской нефти, построения целых городов и поселков в сердце до того практически нетронутой тайги. Встречи со взрослыми «людьми лесов» на юге Сибири прекратились именно в это время.

Профессиональный фольклор... что за ним?

Здесь... Здесь он рухнул с отвесного склона. Он летел, и никто этого не видел. Может быть, он кричал, но никто не слышал этого... И он рухнул в долину, увлекая за собой сорок две тонны камней, льда и снега...

Бр. Стругацкие

В каждом профессиональном сообществе экспедишников обязательно есть свои «черные» и «белые» персонажи. Разделение на «черных» и «белых» довольно условно, потому что назначение их одинаково: вознаграждать «хороших» и карать «плохих» членов экспедиций.

Сейчас эти профессиональные байки постепенно исчезают, потому что в экспедиции ездят ненадолго, с целями очень прагматичными – сделать дело и скорей домой, денег тратить поменьше. Экспедиция окончательно стала делом, работой и перестала быть образом жизни. До начала 1990-х годов очень большое число людей – десятки и сотни тысяч человек в масштабах России – каждый год по 2, 3, 5 месяцев в году жили в экспедициях, в деревнях, заброшенных избушках, палатках, проводили нехитрые исследования. Они вели образ жизни таких интеллектуальных кочевников XX века.

Такой образ жизни требовал определенных личных ка-

честв. Частью их культуры была вера, или по крайней мере байки, про «черных» и «белых» созданий, которые бы освящали своим авторитетом нравственные и культурные нормы, на которых держался мир экспедишников.

В какой степени реально ученые верили в существование, скажем, «черного геолога»? Сказать трудно. Конечно, большая часть историй про него совершенно откровенный фольклор, причем фольклор живой, постоянно изменяющийся и дополняющийся. Рассказывали очень часто со смехом, всем видом демонстрируя, что «на самом деле» в «черного геолога» не верят. Это была своего рода игра профессионалов, ведущих общий образ жизни; игра, включенная в экспедиционный быт.

Впрочем, границы игры и образа жизни тут трудно различимы. Очень многие «материалисты» советского разлива если и говорили о нечистой силе, то исключительно с усмешечкой, но кланяться пустой избушке, просить позволения войти, оставлять кусок хлеба в углу считали совершенно необходимым. Вообще, интересная закономерность: чем отчаянней, чем яростней защищал советский человек свой чахлый «материализм», тем больше он был привержен к тайному, как можно более незаметному исполнению всяческих обрядов. Тем сильнее верил и в домового, и в овинника, и в лешего.

При всей откровенной игре в «черных» и «белых» персонажей фольклора некоторые геологи уверяли меня, что сво-

ими глазами видели «черного геолога». Объяснений, конечно, может быть несколько:

1. Вульгарная галлюцинация, в том числе на фоне многодневного употребления спиртных напитков. В геологических (и не только геологических) экспедициях это, увы, наблюдалось.

2. Наведенная галлюцинация, когда о чем говорится, о чем думается, то и мерещится. Это как после долгих разговоров о «человеке лесов» избыточно впечатлительный юноша выходит из палатки и тут же прыгает в нее: «А он уже здесь!!!».

3. Столкновения с какой-то реальной сущностью, не имеющей никакого отношения к «черному геологу» и принимаемой за него по простому невежеству.

4. Наличие неких сущностей, которые и впрямь следили за соблюдением профессиональных... да и просто нравственных, культурных норм.

Если «черный археолог» карает, например, того, кто курил на раскопе, и награждает того, кто хорошо умеет работать при расчистке погребения, это вполне можно связать не только с приверженностью наукам и не со стремлением проводить квалифицированные раскопки... Тут явно есть поддержка определенного человеческого типа, определенной линии поведения.

Вполне материальные сельские старики могли очень хорошо отнестись к «экспедишнику, совершенно ничего не по-

нимая в его профессиональных делах и даже сильно подзревая, что он под маркой археологии ищет золото. Но вот «городской» находил погребение, о котором даже не имели представления «местные», прожившие тут всю жизнь, и хорошо раскапывал его. Он тратил массу времени, задерживался вечерами, старался, делал тонкую зачистку «под фотографию», чтобы земля была «как зеркало», проявлял знание множества деталей, маниакальное трудолюбие. И это, независимо от всего остального, располагало к нему окружающих.

Происхождение «черных специалистов» как будто известно: их «родоначальником» является «черный альпинист», о котором говорили еще в 1930–1940-е гг. Похоже, что «черного альпиниста» породила вольница так называемых «столбистов». Впрочем, фольклор «столбистов» – особая большая тема.

Фольклор «столбистов»

Столбизм – это очень «красноярское», очень местное явление. Выходы сиенитовых скал на правом берегу Енисея, напротив города, привлекали жителей еще с XVIII века. Есть сведения, что уже тогда забираться на эти причудливые «столбы» считалось «ухарской забавой» среди парней. Этому занятию были свои умельцы и в Красноярске, и в пригородных деревнях. В XIX веке по мере роста населения район «Столбов» все больше превращался в заповедный; в ме-

сто отдыха горожан и в место подготовки альпинистов. В 1929 году создан заповедник «Столбы», существующий по сей день примерно в тех же границах. При этом местом отдыха горожан и местом тренировок будущих альпинистов «столбы» оставались. Каждая группка «лазавших на столбы» строила свою «избу» и проводила в ней воскресенья.

С одной стороны, здесь получили подготовку такие «профи», как братья Абалаковы, один из которых, Евгений Михайлович Абалаков, в 1933 году взошел на высочайший пик СССР – пик Сталина (с 1962 года – пик Коммунизма).

С другой стороны, с самого начала «лазили» и «поднимались» на столбы единицы. С ходом лет и с ростом огромного города все больший процент столбистов набивался в «избы» не для того, чтобы «лазить», а для того, чтобы провести какое-то время не в городе и чтобы «общаться». Среди них было много людей, не состоявшихся в реальной жизни, убежавших в игру, в отдых на свежем воздухе, психологический комфорт в кругу «своих».

Этот слой, соотносившийся с «лазавшими» как 100:1, формировал свои представления о жизни, свои традиции, правила поведения. Это был своего рода «малый народ в большом народе», целая «культура в культуре» – субкультура. В творимой этим слоем субкультуре важное место занимал фольклор... в том числе на мистические темы.

Любой туристский фольклор – это рассказы городских людей, которые бродят по местности и сталкиваются с ре-

лиями, о которых горожанин, как правило, прочно забыл.

Туристы скорее верят, чем не верят в то, что оставленное людьми жилье только на первый взгляд пустое. Что надо просить разрешения войти у пустой избушки, что надо оставлять еду обитателям заброшенных домов, а иначе можно ждать «нехороших стуков» или прочего беспокойства.

Но наивно объяснять этот фольклор только тем, что у туриста есть некие знания, которые появляются сами собой от бродячей жизни.

Конечно, сказывается испуг, неуверенность в себе человека, попавшего в незнакомую среду. Это чувство неопределенности накладывается на неоязыческое сознание «советского» интеллигента.

Не веря в Бога (по крайней мере декларативно, на уровне шумных утверждений) интеллигент, как правило, лишен целостного мировоззрения. Без учения об устройстве мироздания – метафизики – любые частичные знания, пусть самые глубокие, не позволяют понимать границы возможного и невозможного.

Даже квалифицированный в частности, принесших ему ученые степени, интеллигент обычно невежественен; особо же он невежественен в вопросах, связанных со «всякой чепухой» – с учением о мире невидимого. Интеллигент легко пугается и еще легче верит всему, что ему расскажут «понимающие» люди.

Хуже всего, что сталкиваясь с непривычным, с незнако-

мым, интеллигент пытается объяснить непонятное и незнакомое исходя из своих убогих представлений, и страшно подумать, что у него получается. Сколько я выслушал за свою жизнь попыток «объяснить» привидения с позиций биохимии, экстрасенсорные воздействия с точки зрения теории прогресса! И все это взволнованно рассказывается у вечернего костра, сообщается усердно поглощающей знания молодежи.

В фольклоре путешествующего люда присутствует и откровенная выдумка, создание сказки для самих себя: чтобы было еще интереснее, чтобы придать себе значительности... и для запугивания новичков. Ведь по омерзительной традиции большинства туристских сообществ «стариковщина» в самых жутких формах – вещь совершенно обычная. Новичков необходимо пугать, приводить в «надлежащее» состояние, чтобы они были послушнее опытным старикам.

Столбистские истории сводятся к нескольким достаточно нехитрым сюжетам:

1. Сказки об огнях (синих, красных, зеленых), блуждающих по ночам сами собой в тех или иных местах;
2. Истории об идолах, которые сами собой выкапываются из земли и бродят, наклоняются над теми, кто спит не в избе.
3. О привидениях погибших или давно умерших столбистов, которые появляются в избах или подсаживаются к костру.

Большая часть этих историй удивительно примитивна и

попросту плохо придумана. Что-то в духе:

– Гляжу... Дык это хто же, а?! Кругом плывет все, потому как мы сперва по двести с Колькой, потом портвешку с Васькой, потом по триста с Федькой... Или по двести пятьдесят... Точно! По двести пятьдесят. Или все-таки по триста... А!!! Тут же еще Толька был! Это мы с Толькой по триста, а с Федькой – по двести пятьдесят! Или не подвести пятьдесят...

– Так кто же это был, Ваня?!

– Так хто... Я ж говорю, все плывет, а рожа все равно знакомая. И сидит, песни поет, закурить просит. Я к нему: мол, так и так, личность мне твоя знакомая, ты хто?! А он, мол, что еще узнаю кто. И раз! Сидел, и сразу нету! А до меня дошло – это же Женька Абалаков! Мне сколько раз говорили: ходит он и проверяет, что к чему, с людьми беседует!

Очень характеризует неоязыческое сознание «столбистов» песня, сочиненная в 1972 году бардом и поэтом Юрием Николаевичем Аделунгом (1945–1993). О его авторстве мало кто знал, но «Песня привидений» стала своего рода неофициальным гимном столбистов. Привожу ее так, как мне ее спели последний раз в начале 2000-х годов:

Вот полночь, черт в помощь.

Вылезайте, братцы, из могил.

Ну-ка оседлай друг другу шеи поскорее,

Главное, чтоб было пострашнее, пострашнее,

Дьявол нам в удаче помоги.

Гля, ходит на огороде
И приличный держит интервал...
Гля, да это поп Лаврентий вроде,
Что это он делал в огороде?!
Стало быть, капусту воровал!
Спокойно! по коням!
Пострашнее, братцы, заревем,
(В этом месте все дружно ревели: УУУУУУ!!!!!!)
А если мы сейчас его догоним... (А мы догоним).
То не буду, братцы, я покойник (а я покойник),
Точно руки-ноги оборвем.
Гля, едет на лисапедe,
Бывший комсомольский секретарь.
Вижу, дело наше, братцы, худо, ох, худо!
Надо нам уматывать отсюда,
Прячь скорей в могилы инвентарь!
Спокойно! По коням!
Нас увидел и за нами рвет.
Если он сейчас кого догонит... (А он догонит).
То не буду, братцы, я покойник (а я покойник),
Если рук и ног не оборвет.

В этой песне совершенно классически соединены все обычные советские стереотипы: от одновременного в одном куплете обращения к Богу и к дьяволу (по-видимому, о них обоих нет четкого представления) до карикатурной фигуры «попа», ворующего капусту. Забавно, что в этой песне нечистая сила сильнее священника и очень опасна для него, а

комсомольскому секретарю приписаны свойства обожещаемого существа. Это тоже характерное искажение действительности в «советском» сознании: в действительности дьявол никак не может быть сильнее Бога. Его слуги мало опасны священнику. А вот как раз комсомольские секретари – лакомая добыча для нечистой силы, поскольку не находятся под защитой Высшей силы.

Совершенно особняком стоит цикл историй про черного альпиниста уже потому, что эта история непосредственно связана с неким профессиональным, требующим труда занятием, а не с туристским хождением по травке и распеванием песенок у костра.

История эта тем более интересна, что, похоже, она и родилась на красноярских «Столбах» еще в 1920–1930-е годы, а уж потом ее воспроизводили в самых разных регионах, где есть альпинизм.

Черный альпинист

Есть две версии того, как появился «черный альпинист». По одной версии, однажды альпинист заблудился в горах и умер от голода. Его бросили другие члены отряда, чтобы не делиться едой. Иногда к этому добавляются разного рода уточнения, объясняющие, почему решили бросить именно его; типа «зашиб ногу» или «совсем ослабел».

По другой версии, когда-то «черный альпинист» начал падать в пропасть; напарник, с которым он шел в одной связке,

перерезал веревку. Одна из версий такова, что шло несколько попарных связок и подлый напарник воспользовался метелью – из-за выюги другие не заметили, как он перерезал веревку.

Есть множество версий, в том числе авторских, как умирал «черный альпинист». От «упал и разбился, то есть в лепешку!» и кончая подробными описаниями, как «черный альпинист», сломав ногу или обе ноги, пытался вылезти из пропасти, никто его не слышал, крик уносил ветер, как он полз на локтях, умирая от гангрены и голода, вплоть до подробностей, как он пытался питаться мохом со скал или травкой, исторгающих слезы у жалостливых и к тому времени уже не очень трезвых туристов.

Во всяком случае, «черный альпинист» теперь появляется перед альпинистами из плоти и крови. Он проверяет их на соответствие необходимым качествам.

Классическая история рассказывается так: лезли двое на почти отвесную скалу, вбивали крючья. Заночевали на узкой площадке, куда едва вошла палатка. Под утро, в страшный холод, спальные мешки и лица все покрыты инеем, кто-то вламывается в палатку:

– Мужики! Дайте хлеба!

Один, нехороший, ответил в духе:

– Пошел вон, самим жрать нечего.

После чего отвернулся и захрапел дальше.

Другой, хороший, сказал: вон, возьми в рюкзаке хлеб и

тушенку. Вошедший исчез, и тут только до полусонного дошло: откуда же здесь кто-то взялся?! Тут и до верха метров триста, и вниз метров триста! Окончательно проснувшись, «хороший» альпинист обнаруживает, что «плохой» умер и видимо, давно – «весь заиндевел».

Приходится «хорошему» продолжать свой путь одному, оставив труп на площадке, завернутым в собственный спальник (кстати, это как раз соответствует традициям альпинизма). Прикинул, что вверх и легче, и ближе, чем вниз. Полез и видит: местами вбиты в скалу крючья – старые, ржавые, но возле крючьев сделаны метки – красные кресты. Метки эти совсем новые, «как если их сегодня делали».

Иногда добавляется еще, как начавшего падать «хорошего» «будто поддерживает кто-то» или как происходят всякие странности вроде веревки, попавшей в щель и там застрявшей намертво, или «вдруг нашедшегося» кулька с рафинадом или банки с тушенкой.

О встречах с «черным альпинистом» есть много историй разной степени достоверности, но во всех случаях «черный альпинист» расправляется с «плохими» и награждает «хороших». Справедливость торжествует в самой примитивной форме: «плохие» замерзают, срываются со скал, ломают руки и ноги, выбивают зубы и так далее. А «хорошие» проходят маршрут, выздоравливают и даже обнаруживают на взятых вершинах неведомо чьи склады с морем спирта и тоннами тушенки.

Но здесь надо оговорить сразу два обстоятельства:

1. В «черного альпиниста» верят серьезно. О нем рассказывают иначе, чем о деревянных идолах, которые гонятся за новичками. «Черному альпинисту» оставляют еду, вплоть до отдельной миски «сами знаете для кого», отставляемой на праздниках на край стола. В его имя дают еду малознакомым – всем, кто попросит, а вдруг незнакомец – это и есть «черный альпинист»?!

В последнем случае видно, как у хваленых советских атеистов образ Христа причудливо проявляется в образе «Черного альпиниста».

Но верят всерьез.

2. Есть много вполне серьезных людей, уверяющих, что лично видели «черного альпиниста». Это самый обычный человек, который может расспрашивать тебя о чем-то, просить о какой-то мелочи... «Черного альпиниста» можно распознать по очень темному цвету лица и по тяжелому запаху. Впрочем, у очень многих альпинистов из-за горного ультрафиолета сильно темнеет лицо (знаменитый «горный загар»). Запах от людей, не мывшихся в бане по две-три недели, а то и месяца, обычно исходит довольно плотный.

И тем не менее есть свидетели. Истории про «черного альпиниста» выходят за пределы обычной туристской байки, сочиненной от нечего делать.

О «черном альпинисте» говорят не только в Красноярске, но и везде, где существует сообщество альпинистов. У спе-

леологов – пещерников Красноярского края есть своя версия «черного существа» – «черный спелеолог».

Фольклор пещерников

Спелеология – наука о пещерах, название которой происходит от латинского слова «спелеос» – пещера. Спелеотуристы, пещерники появились еще в прошлом веке, а в послевоенное время, с 1950-х годов, возникло сразу несколько спелеоклубов в разных городах. Их фольклор по богатству, по обилию тем во много раз превосходит фольклор «столбистов».

Пещерный фольклор – вообще совершенно особое дело, потому что в пещерах человек находится в особом и очень неблагоприятном для него мире. В глубоких пещерах всегда царит абсолютный мрак, температура держится весь год стабильная +4 градуса. Известно, сколько может прожить в пещере человек без специального снаряжения, без огня и без еды – примерно 36 часов.

Отсутствуют любые привычные звуки, на которые не обращаешь внимания, но которые на поверхности земли всегда есть даже при тишине, которую назовут «полной». Нет ни малейшего колебания воздуха.

Опыты, поставленные французом Норбертом Кастере, который жил в пещерах по два, по три месяца, показывают: самый сильный, самый тренированный и подготовленный человек в пещерах выдерживает недолго. Нарушаются био-

ритмы, утрачивается чувство времени, отказывает инстинкт самосохранения, развиваются странные мании. Становится, например, неприятен сам вид тарелок и кастрюль, человек старается обходиться без них.

Отсутствие элементарных впечатлений из окружающего мира – запахов, звуков, образов – оборачивается галлюцинациями самого разного плана, как в «сурдокамере», где тренируют будущих космонавтов.

В пещерах любой человек чувствует себя не слишком уверенно и не особенно уютно. В том чужом и жутковатом мире неизбежны разного рода нарушения психики; уже поэтому трудно верить всему, что рассказывают спелеологи.

Но, во-первых, из всех туристов спелеологи всегда были самыми подготовленными и самыми профессиональными. Альпинисты презирают всех остальных туристов и даже вообще заявляют, что они никакие не туристы. Они альпинисты, вот кто! Туристы – это всякие спелеологи и прочие! Это верно, но альпинистов-профессионалов; альпинистов, имеющих моральное право задирать пяточок, не так уж много.

Если же брать массовый туризм, мое утверждение справедливо. Спелеолог – это наука, это профессионализм. Чтобы «ходить по пещерам», нужно хорошо знать снаряжение, условия, иметь опыт; пещерника растят долго. Нужна компания людей, на которых можно полагаться. Разного рода маргинальные личности, убежавшие от трудностей реальной жизни, всевозможные психи и чудики среди спелеологов

встречались куда реже, чем среди любых других групп туристов.

Поэтому «показаниям» пещерников я склонен доверять несравненно больше, чем рассказам «столбистов» или, скажем, водных туристов-сплавщиков.

Во-вторых, если все-таки предположить, что в пещерах могут обитать какие-то существа, имеет смысл подумать: а какой образ жизни может вести такое существо? Как оно может выглядеть? Чем может питаться?

Принято считать, что шаманы попросту придумали трехчленное разделение мира на «верхний», населенный духами, «средний», населенный человеком и животными, и «нижний», обитаемый чудовищами. Придумали, что называется, «из головы», а за этой выдумкой ничего решительно не стоит.

Для предположения, что за любой выдумкой должна стоять породившая ее реальность, надо выйти за пределы смешного «материализма», точно знающего, что «может быть», а чего «не может». В конце концов, шаманы обитали в той же самой Сибири, и уж конечно, хорошо знали пещеры. Есть вполне веские доказательства того, что человек с самой седой древности проникал в пещеры, совершал там разного рода культовые действия. Вспомним хотя бы «пещерное искусство» Франции. Ведь многоцветные панно, расписанные сотнями, тысячами изображений бизонов, оленей, мамонтов, лошадей, носорогов, создавались в самой глубине тем-

ных пещер, в которых человек никогда не жил и жить не мог. Кстати, до сих пор совершенно непонятно, каким образом рисовались эти панно, ведь на потолках и стенах пещер нет ни малейших следов копоты! Как же освещал древний человек место, где рисовал? Как он видел, что делает? И даже как он находил туда дорогу?!

В сибирских пещерах тоже найдены остатки святилищ; в том числе в таких частях пещер, где человек жить постоянно не мог из-за холода и темноты. По-видимому, в Караульные пещеры, в Торгашинские, в Боградскую пещеру человек приходил для совершения каких-то важных для него ритуальных действий. В Айдашинской пещере найдены даже костяные фигурки, когда-то бывшие частью шаманского костюма.

Пещеры слишком уж напоминают шаманский «нижний мир», населенный чудовищами, чтобы это оказалось еще одной, очередной «случайностью».

О чем же рассказывают спелеологи-пещерники? Необходимо учесть, что традиции пугания новичков и вообще всех «непещерников» очень сильны у спелеологов. Решительно о любой пещере вам непременно расскажут несколько кошмарных историй, типа: «Да Караульная – это что! Это разве пещера?! Там ребенок пройдет, и только в одном месте тесно; где московский турист один погиб... Фамилии не помню, но можно и поднять фамилию. Он в узости застрял – и никуда; толстый был. Его и за голову тянули, и за ноги...

Так и помер. Теперь, чтобы через узость идти, надо через его грудную клетку протискиваться. Все остальное потом унесли, похоронили, а это вот... грудную клетку – никуда! Встала на распор – и ни в какую сторону! Через нее сегодня и пойдешь».

Когда все спустятся вниз по наклонному узкому ходу, когда свет дня погаснет за спиной, обязательно найдется идиот, который расскажет парочку «духоподъемных» историй как раз об этих местах или о соседних залах и коридорах.

Бывает, что группа, в которую входит новичок, дружно гасит свечи и фонари, и тогда уже рассказывается нечто необходимое для «воспитания». Или напарник, с которым новичок идет вдвоем, замогильным голосом заводит что-то в духе: «Его надо ждать, и он придет... Хе-хе-хе... Главное – это его ждать. Мы его ждем, и он придет...». И так до тех пор, пока на новичка не начнет действовать мрак и темнота, удаленность от поверхности и от входа, ползущий в темноте противный шепот.

От пугания новичков спелеологи получают еще больше садистского удовольствия, чем другие туристы.

В целом же более серьезный пещерный фольклор, выходящий за пределы «пугания», имеет несколько основных сюжетов:

1. Оскаленные страшные рожи, которые внезапно возникают прямо на стенах пещер. Трещинки вдруг складываются вместе, натеки и выпуклости стен приобретают другую фор-

му; перед одиноким спелеологом вдруг возникает огромное, от метра до трех метров высотой, получеловеческое лицо. Происходит это мгновенно, пугает уже сама неожиданность. А лицо иногда ведет себя довольно агрессивно, вплоть до открывания огромной пасти, усаженной коническими зубами, и попыток схватить человека.

Другой вариант – когда «из стены вырастают» голова неведомого зверя или морда монстра и тоже пытаются схватить проходящего.

Сами спелеологи в наибольшей степени относятся к таким явлениям, как к галлюцинациям. Нередки рассказы о том, как кто-то один видит «рожу» и шарахается от нее или вступает с монстром в диалог, к удивлению остальных: они ничего не видели.

Но и такие истории, даже с откровенным «галлюцинаторским» подтекстом, обычно производят впечатление.

Богдан Спицын в «Стране Багровых Туч» у братьев Стругацких переживает именно такую галлюцинацию, и это далеко не единственный случай, доказывающий: братья Стругацкие очень хорошо знали фольклор Красноярского края. Позже мне придется показать это на еще более ярких примерах.

2. Очень своеобразен эффект, который спелеологи называли не менее своеобразно: «дядя Вася в медных триконях». Эффект состоит в том, что во вполне определенном пещерном коридоре раздается знакомый звук: лязгает металли-

ческая амуниция, стучат по каменному полу трикони, подбитые медными шипами. Незнакомец приближается, звуки позволяют даже знать, где именно бронзовый карабин чиркнул о скалу, на каком расстоянии он идет. Но не видно абсолютно ничего. Невидимка проходит буквально мимо стоящих людей, чуть ли не проходит сквозь них и удаляется. При этом иногда слышен звук стесненного дыхания, иногда – нет. Постепенно шаги и звон амуниции удаляются, затихают в темных коридорах.

Легче всего сказать, что «такого не бывает», но автор лично слышал «дядю Васю». Надо сказать, что появляется «дядя Вася» нерегулярно, предсказать его появление невозможно. Ходят слушать «дядю Васю» всегда по несколько человек; стоять в полуосвещенном коридоре, курить и слушать удивительные звуки в компании жутко, но в несравненно большей степени интересно.

Может быть, это просто некий неведомый природный эффект? Может быть. Я только знаю, что лично слышал «дядю Васю» и что свидетелей его появления много, в том числе слышавших одно и то же в компании.

3. Третья группа сюжетов касается существ, обитающих в глубине пещер. Традиции «пугания» требуют как можно меньшей определенности, тогда бывает страшнее. Фантазия у пещерников тоже бывает богатой. Имеет смысл учитывать только такие сюжеты, когда эти существа описываются очень определенно и несколькими свидетелями сразу. Таких сюже-

тов мне известно два.

Это «субурханчики», иди «вихорьки», которые «летают» по потолку и стенам, обдавая лица идущих потоком движущегося воздуха. Движение «субурханчика» сопровождается частым мелким постукиванием по камню – впечатление такое, словно перебирают маленькие коготки. Так что он не летит, а именно бежит по потолку, но тоже остается невидимым. Вреда от них не бывает, может быть, потому, что задержать «субурханчик», поставив на его пути руку или какой-то предмет, никто пока не попытался.

Другие истории рассказывается про нечто бесформенное, покрытое белой шерстью, обитающее в самых глубоких частях некоторых пещер. Про «это» (что характерно, существо не имеет названия) мне рассказывали в Орешной и в Богградской пещерах. Для Караульных пещер, например, эта история совершенно не характерна.

Видевшие «это» всегда находились на большой глубине и пребывали в пещере уже долго, порядка суток и порой и нескольких. Большинство фиксировали только сам факт внезапного появления и мгновенного исчезновения «этого». В некоторых вариантах рассказов существо стоит на задних лапах и сложением напоминает небольшого медведя. У этого «нечто» есть голова, похожая на собачью, с очень сильно вытянутой мордой, и без глаз (по близкой версии – «почти без глаз»). Но и в этом случае наблюдать его можно буквально долю секунды. Оно никогда не издает никаких звуков и не

пытается приблизиться к людям.

На вопросы о том, не пробовали ли «его» ловить, рассказчики только ухмылялись и отводили глаза.

4. «Черный спелеолог» во многом аналог «черного альпиниста», который погибает примерно так же – заблуждается в пещере и умирает от голода и холода. Называют его, впрочем, и «белым», логично объясняя, что в пещере черного спелеолога все равно не увидишь. Но и происхождение, и поведение и «черного», и «белого» совершенно одинаковы.

Похоже, что сначала был заимствован у альпинистов именно «черный спелеолог», а уж потом он вполне логично «побелел»: на его «белизне» гораздо больше настаивает молодое поколение спелеологов – те, кому до 35. Более старшие сомневаются в его цвете, достаточно часто произносят привычное «черный».

«Черный спелеолог» внезапно выныривает из потайных ходов, даже выходит из стен. Он указывает «хорошим» на выход, снабжает их едой, огнем и светом; он неуклонно губит «плохих», заводя в тупики или в глухие системы, откуда они не могут выбраться. Бывает, что существо роняет на «плохих» камни разного размера и с разной высоты – по размерам прегрешения.

Благоволит он к тем, кто соблюдает технику безопасности и, даже если знает, что в пещере никого нет, бросая веревку, предупредит криком: «Веревка!». Кто крепко связывает концы, хорошо крепит перила и не пренебрегает страховкой.

Вот разгильдяев «черный спелеолог» сильно не любит.

Благоволит он и к новичкам. Даже попугав их «как следует», учит правильно ориентироваться и выходить в нужном направлении.

К фольклорным деталям относится и такая: «белый спелеолог» считает «хорошими» и «правильно себя ведущими» тех, кто соблюдает в пещерах чистоту и все черты экологического поведения. Например, те, кто собирают в пещерах всяческий мусор, натащенный туристами. В пещерах многие ведут себя очень непринужденно, бросая где попало горелые спички, спичечные коробки, окурки, пачки из-под сигарет, консервные банки, объедки и прочую гадость. Среди красноярских спелеологов было хорошим тоном собирать все это в целлофановые мешки, выносить и выбрасывать из пещеры. «Черный спелеолог», естественно, стал очень одобрять такое поведение, как только оно установилось у членов профессионального сообщества.

В самые последние годы у «белого спелеолога» появилось еще одно требование – не трогать летучих мышей. Дело в том, что летучие мыши зимуют в пещерах, впадают в спячку, повиснув вниз головой на сводах пещеры. Туристы, приходя зимой, часто освещают их фонарями, пугают, прикасаются к ним. Бедные животные просыпаются не ко времени, вылетают из пещеры и погибают: корма нет, очень холодно... Некоторые ученые считают, что летучих мышей стало меньше именно из-за «фактора беспокойства».

Ну так вот, трогать летучих мышей «черный» (он же «белый») спелеолог категорически не велит.

Похоже, в образе «белого спелеолога» слепляются две очень разные сущности. Одна из них уже знакома: своего рода пещерный аналог «черного альпиниста». Другая же – это «чисто местное», пещерное существо, которое всегда жило в пещерах и никогда не было человеком.

Это существо имеет антропоидный облик; иногда ему приписывается полное сходство с человеком настолько, что он может ухаживать за девушками и набиваться к ним в провозы, увлекая их все глубже в пещеру, все дальше от выхода. По другим данным, «пещерник» отличается от человека мелкими деталями – у него вертикальный кошачий зрачок. Или мохнатые острые уши, как у волка. Или обычные человеческие уши, но расположенные выше висков.

Иногда речь идет о совсем незначительных отличиях от человека, скорее даже странностях типа пронзительно желтых глаз или очень смуглого и очень тощего лица, так что кожа облепила кости.

Порой, впрочем, «черный спелеолог» бывает или мохнатой полуобезьяной-антропоидом, или существом, лишь карикатурно похожим на человека.

Некоторые допускают, что «черный спелеолог» может принимать человеческий или «почти человеческий» облик, отличаясь от человека одной какой-то незначительной деталью. Тогда он специально затесывается в компании, влезает

в доверие, особенно девицам, чтобы увлечь их в пещеру.

В любом случае это существо заманивает людей, потому что он их поедает. «Черный спелеолог» – это упорный и очень опасный охотник на человека. С «этим», с белым обитателем глубин он не ассоциируется никогда, а вот предположения о тождестве «черного людоеда» и «дяди Васи в медных триконях» делались неоднократно.

Отношение к историям про «черного людоеда» неоднозначное: с одной стороны, этот сюжет обыгрывается во множестве разного рода историй, песенок, баек и даже любительских кинофильмов. Один из них, получивший первую премию на любительском фестивале в 1989 году, построен так.

Две девицы забираются в пещеру, идут по ходу. Вдруг перед ними возникает нечто, карикатурно похожее на человека: в пещерном комбинезоне, с огромной, не по росту головой и с зеленой рожей, раза в три больше человеческой. Девицы бросаются бежать. Минут пять киновремени продолжается погоня. Куда бы ни шли, как бы ни карабкались девицы, на их пути оказывается это существо; как только оно подступает к девицам, те пускаются наутек. Наконец девицы забираются, прячутся в огромную печь. Тут же появляется «черный людоед», захлопывает дверцу и опускает задвижку, запирая дверь.

Следующий кадр: то же самое существо выползает из пещеры с невероятно разбухшим животом, тащит за собой две

спелеологические каски с прикрепленными на них фонарями. Сыто отдуваясь, с каплями пота на сине-зеленой мультиплицированной роже, существо вяло отбрасывает каски в сторону. И вдруг оно встрепенулось, хищно присело; в глазах оживление, огромный язык, сантиметров тридцати длиной, облизывает губы.

Камера отодвигается, и становится виден вход в пещеру: к нему как раз приближаются еще два новых спелеолога. Камера еще отодвигается, и становится видно, что каски упали в огромную каменную чашу, диаметров метров в пять, заполненную доверху спелеологическими касками. А существо начинает двигаться в сторону входа в пещеру...

Легко сделать вывод, что спелеологи к этому сюжету не относятся серьезно. Это не так.

Во-первых, они очень насторожены ко всяким встречам в самой пещере. Если кто-то собирается в пещеру, об этом должно быть известно! Всякий незнакомец, о появлении которого не предупредили, вызывает откровенную опаску. Разумеется, это объясняется и страхом перед возможным преступником, тем более пещеры очень удобны для того, чтобы прятаться или прятать добычу. В страхе пред неизвестными проявляется и нелюбовь к «диким» туристам, которые пачкают в пещерах, отвратительно себя ведут, с которыми не хочется иметь что-либо общее...

Не сомневаюсь, что все эти причины имеют место. Но точно так же не сомневаюсь, что спелеологи подумывают и про

«черного людоеда», только не спешат сознаваться.

Во-вторых, раза два мне доводилось слышать о девице, которая «неизвестно с кем», то есть с кем-то незнакомым для спелеологов, ушла в пещеру и пропала без вести. Объяснять эту историю можно по-разному, тем более я и не знаю ее в подробностях. При попытке узнать, о ком же именно идет речь и что именно произошло, спелеологи как в рот воды набрали. Похоже, обо многих деталях они и сами не имели представления: скорее всего, девушка из их компании завела кого-то неизвестного и не стала посвящать друзей в подробности романа. Впрочем, все это только мои догадки. Если даже эта история имела трагический конец, его причиной могли быть очень различные события; без дополнительной информации судить невозможно ни о чем.

В-третьих, вряд ли я забуду когда-нибудь находку, сделанную в Орешной пещере. Орешная вообще довольно сложная и неприятная пещера: сложнейшая система ходов, которая известна далеко не полностью, все время какой-то невнятный гул. Пещера мягко гудит, как исполинская раковина, и этот шум может скрывать все что угодно. А тут...

Прямо на полу пещеры, возле стены, лежала кость. Большая кость, почти все мясо с которой было сорвано; только отдельные волокна, малые кусочки мяса остались там, где их было особенно трудно выгрызть. Мясо подвяло, но еще и не начало портиться; кость бросили, наверное, всего лишь несколько часов назад. Мясо с кости не срезали, а отгрызли,

срывая его зубами. Погрызы на кости были глубокие, как если бы грызла даже не собака, а медведь. В одном месте ясно отпечатались клыки, а между ними ряд резцов – раз в полтора шире, чем у человека.

Это была берцовая кость человека... Вернее, сразу две кости – большая и малая берцовые. Судя по массивности и весу – мужские, но тут я рискую ошибиться (может, крупная была дама). С обеих сторон кость была с огромной силой выворочена из сустава – болтались растянутые обрывки сухожилий.

Не меньше минуты мы стояли, тупо глядя на кость. Никаких следов не было и быть не могло на каменном полу пещеры.

– Слыхал... Про блатных слыхал, – внезапно сказал сиплым голосом напарник. Его голос отразился от стен, срезонировал, ушел в темноту, и товарищ опасливо притих.

Да, про шайку беглых, засевавшую в прошлом году в Орешной, мы слыхали. Что уголовники, случается, едят людей, тоже слышать доводилось. В конце 1980-х уголовники, жившие в норах на кладбище, съели нескольких ребятишек. Но оба мы понимали: здесь что-то совсем не то. Ну не стал бы даже самый одичалый уголовник грызть сырое мясо с кости, выломанной из трупа.

– Может... На выход пойдем? – предложил я, невольно понизив голос чуть ли не до шепота.

Напарник кивнул, и мы рванули к выходу. Кость мы, естественно, взяли с собой. Как и подобает законопослушным

гражданам, мы ее сдали и написали заявление в милиции. Что было дальше – не знаю. Скорее всего, если даже дело и завели, кость оказалась в роли классического «висяка» – дела, которого практически невозможно раскрыть.

Но эта мрачная история вспоминается мне до сих пор, и любые рассказы о «черном людоеде» приобретают для меня некий слишком уж реальный отсвет.

Туристы и «экспедишники»

Ученые экспедиционных профессий («экспедишники», «полевики») традиционно презирают туристов. Умения ходить по местности, таскать тяжести, преодолевать усталость и делать разную «мужскую» работу у нас ничуть не меньше, чем у любых туристов, а вот занятия несравненно профессиональнее. Мы не просто премяся в отвесную гору, плывем по порожистой реки или шатаемся по глухой тайге, чтобы испытать некое удовольствие, соблюдая «ненаселенку» и «километраж» ради получения очередного разряда. Все бытовые стороны жизни на местности нам нужны для того, чтобы провести наблюдения или исследования. Развлечения, элемент игры, удовольствие от пребывания в «поле» у полевика обычно тоже есть, но это не главное. Все, кроме работы, тут – факультативное занятие; специалисты идут в лес не за этим.

Само отношение к «романтике» у нас совсем иное, чем у туристов. Для турья «романтика» – это чтобы все было как можно меньше похоже на то, что в городе и дома. Не важ-

бистов? Скажем, идолов археологи с удовольствием вырезали и ставили «охранять» лагерь, молодежь даже совершала перед ними разного рода псевдоязыческие ритуалы. Но никогда у археологов не рассказывали об идолах, которые сами выкапываются и пугают спящих не в палатках, или о покойниках с ближайшего кладбища. Но вот всякие «черные» и «белые» специалисты в нем присутствовали обязательно. Почему?! А как раз потому, что специалисты не развлекались, не играли, и чисто игровые персонажи им попросту не были нужны.

Вот утверждать мораль, общую для всех путешествующих, экспедишникам было даже в большей степени необходимо, чем туристам. Мораль эта действительно едина: не гадить в лесу и максимально исправлять последствия чужого гадительства. Входя в брошенное жилье, снять шапку, поклониться, спросить разрешения. Уходя, непременно оставить дрова и запас еды, хотя бы небольшой.

В аналогичных персонажах нуждается всякое сообщество путешествующих, например охотники или собиратели трав. У охотников это чаще всего бывают не призраки, а старые, давно умершие охотники. Если даже такой уважаемый всеми охотник похоронен на сельском кладбище, молва обязательно припишет ему захоронение в тайге, в «охраняемом» им месте. Если же охотник погиб в лесу или завещал себя похоронить в тайге, совсем хорошо – ему еще увереннее приписываются свойства лешего охранять закон, карать нарушите-

лей. Нарушителей карают двумя способами – или заставляют «плутать» по лесу, или отнимают у них добычу.

Мне известны два таких охотника, ставшие после смерти то ли нечистой силой, то ли хранителями леса. Один на Ангаре, на речке Манзя. Другой – в верховьях Ои, в Саянах. Обоих называть я не буду.

Есть еще один охотник, который, похоже, станет таким же хранителем леса после смерти.

Археологи и другие полевики нуждаются в таких же персонажах. По своему социальному положению и роду занятий они несравненно ближе к охотникам, нежели к туристам. Но – люди городские – они использовали персонажей фольклора горожан, которые путешествуют по земле.

По крайней мере, такова одна из причин существования «черно-белых специалистов».

Черный археолог

«Черный археолог» и «черный геолог» очень похожи, но по понятным причинам я гораздо лучше знаю повадки «черного археолога». Появляется он так же, как и «черный альпинист»: беднягу бросают в лесу, он заблудился и умер от голода. «Черного археолога» иногда еще сбрасывают в шурф глубиной 12 метров и закапывают живым. Романтические девицы, которые не в силах представить чего-то, не имеющего к ним отношения, рассказывают, что и сбросил-то будущего «черного археолога» в шурф его половой конкурент, потому

что к этому юноше девица была благосклоннее. Но это чисто девичья версия, никто больше ее не поддерживает. Убивают «черного археолога» строго из душевного паскудства и природной гнусности... Таков уж, знаете ли, сюжет, и не нам его нарушать.

«Черный археолог» и «черный геолог» тоже являются к лагерю впопыхах, просят еды; им нельзя отказывать, но у них появляются и другие, более специфичные черты.

«Археолог», естественно, начинает вознаграждать тех, кто ведет себя профессионально, «правильно»: не курит на раскопе, не втыкает в слой нож, разувается, вступая на культурный слой в раскопе, не забывает помыть и почистить материал и так далее.

«Хорошие» и «правильные» награждаются снами, после которых становится понятно, где искать и где раскладывать раскоп. Ну и находками, конечно же.

На «плохих» сваливаются дожди, новые памятники от них прячутся, а разложенные раскопы не приносят никакого материала.

Поскольку в археологических экспедициях участвуют школьники и студенты, действия «черного археолога» становятся более игровыми, а в число караемых поступков попадают и совершенно ребяческие типа «крысятничества», то есть создания собственных частных запасов печенья или конфет в своей палатке. Или «хорькования», то есть похищения печенья или сгущенного молока из хозяйственной па-

латки.

Тут имеет смысл напомнить, что легенды о «черном археологе» формировались в 1970–1980-е годы, в эпоху дефицитной экономики. Тогда даже печенье можно было купить не всегда, а уж сгущенное молоко, тем более сгущенное кофе или какао, были страшным «дефицитом». Экспедиции получали дефицитные продукты и использовали их порой как своего рода валюту при расплате с местным населением. Часто дать банку сгущенного молока стоимостью в 85 копеек было лучше, чем пять или десять рублей «живых денег». Так что соблазн похитить сгущенное молоко у подростка был вполне реальный.

Есть такая история подросткового типа: один мальчик стащил в хозпалатке банку сгущенного молока, пробил две дырочки и тайно высосал половину ночью, засунувшись с головой в спальный мешок, чтобы никто не видел. А потом маленький негодник завернул банку в целлофановый пакет и спрятал в свой рюкзак.

Утром отправились в маршрут, и вдруг над тропинкой появился овод невероятных размеров – не меньше сантиметров тридцати. С ужасным гудением настиг овод гадкого мальчишка и всадил ему в заднюю часть свое жало размером с небольшой гвоздь. Тот с диким криком рухнул на живот и, если к нему прикасались, только кричал. Тут снова появился овод, с угрожающим жужжанием пролетел над нехорошим мальчишкой. Никто не посмел даже замахнуться на такого страшного

овода, и только старый начальник экспедиции мудро спросил у мальчика:

– Как ты думаешь, почему он именно к тебе пристал?

– Не знаю! – закричал мальчик, засучил ногами и заплакал.

Страшный овод снова вылетел из леса. Один студент схватил было палку, и овод на мгновение завис в воздухе, обратившись в его сторону. Но начальник схватил парня за руку и не велел ему ничего делать. Тогда овод медленно, даже лениво подлетел к лежащему мальчику, страшно жужжа, и снова вонзил ему в попу свое жало – уже в другую половинку. Мальчик дико завизжал, и заплакал, и снова засучил ногами. Овод подлетел с другой стороны и как будто заглянул ему в глаза, а потом улетел через речку.

– Так что же ты все-таки сделал? – снова спросил его начальник экспедиции.

В этот момент овод опять поднялся над тростниками реки и так висел, очень страшно жужжа и махая крыльями.

Тогда гадкий мальчик, заливаясь слезами, сознался, что он украл из хозяйственной палатки сгущенку и что в его рюкзаке сейчас находится наполовину высосанная банка. Банку достали из его рюкзака и хотели сунуть обратно в хозяйственный ящик. Но начальник поднял эту банку в руках, показал эту банку огромному оводу, а потом поставил ее на пенек. До этого времени овод висел над тростниками, но тут же куда-то улетел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.